ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

4.1

4 номера в год на 14 языках

БЮЛЛЕТЕНЬ

International Sociological Association

Саймон Кларк – Творческое сотрудничество

Социология как призвание — **Ален Турен, Калпана Каннабиран**

Чили: демократический переход — **Мануэль Антонио Гарретон**

Уругвай: социальная демократия — **Фелипе Аросена, Адриана Марреро и Леандро Перейра, Маркос Супервелье и Мариэла Куиконес, Диего Пинейро,**

Венгрия: подъем правых — **Дьердь Чепели, Эстер Барта, Дьердь Лендьель**

> Женщины-шахтеры в ЮАР

> Культура мобильных телефонов в Кот-д'Ивуаре

> Собрание Европейской социологической ассоциации

> Заключительная декларация ALAS

> Социальная трансформация и цифровой век

> Российская команда *Глобального диалога*

ТОМ 4 / ВЫПУСК 1 / МАРТ 2014

http://isa-global-dialogue.net

ГА

> От редактора:

Реакция на неолиберализм

Мы живем в неолиберальном мире, где рынки распространяются все шире и дальше, пуская корни все глубже. Труд превращается из деятельности, предполагающей значительную долю креативности и изобретательности в метод поддержания все более зыбкого существования, из средства обмена деньгами – в средство заработка все больших объемов денег при помощи кредитов. В результате на одном полюсе мы имеем богатых кредиторов, а на другом – обнищавших должников. Сохранение жизни, природы (земли, воды и воздуха) приносится в жертву разрушительным силам капитализма и превращается в товар. Знание продается тому, кто предложит цену повыше – говорим ли мы о студентах, стремящихся получить образование, или о корпорациях, ищущих субсидии на исследования. Коммодификация каждого фактора производства вносит лепту в коммодификацию всего и вся. Кажется, для рынка просто нет преград.

Однако рынки генерируют и противоположные тенденции, такие как протестные общественные движения или государственная регуляция. В этом номере четыре статьи посвящены уругвайскому социалистическому ответу на дилеммы глобальной маркетизации: политика перераспределения, проводимая благодаря сильным профсоюзам (и одновременно усиливающая их позиции), социальная политика, включающая в себя легализацию абортов, однополых браков, марихуаны; сохранение большой доли образования в руках государства. Капитализм, с другой стороны, вторгся в сельское хозяйство, превратив аграрное общество в инструмент накопления капитала. Находящийся у власти второй срок подряд, Социалистический фронт Уругвая включает в себя бывших членов движения Тупамарос, участвовавшего в гражданской войне. В результате политика государства разительно отличается от консервативного курса в соседней стране – Чили. Несмотря на рост электорального социализма в Аргентине, Бразилии, Эквадоре, Венесуэле и Боливии, социальная демократия Уругвая стоит особняком как по уровню гуманности, так и по своей беспрецедентной успешности.

Уругвай – особый случай в Латинской Америке. Венгрия – в бывшем Восточном блоке. С одной существенной разницей: Венгрия отличается не своим социализмом, а авторитарным популизмом, альтернативным ответом на разрушительные силы рынка. Три статьи о Венгрии описывают развитие мафиозного государства, возглавляемого Виктором Орбаном, склонным к самовосхвалениям (и так сильно отличающегося от уругвайского президента, Хосе Мухики, предпочитающего скромность). В Венгрии политические элиты закрывают путь демократии и предотвращают публичные дебаты, дискредитируют концепцию класса, несмотря на его невероятную релевантность и культивируют национальный шовинизм по отношению к евреям и рома, приписывая вину за все экономические бедствия Евросоюзу.

Две страны с такой разной экономической и политической историей отвечают на один и тот же неолиберальный раздражитель, применяя разные политические стратегии. Но может ли социальная демократия или популистский авторитаризм повернуть вспять маркетизацию, которая почти без всяких препятствий распространяется по планете? Как остановить, или обратить вспять наступление неолиберализма? Поможет ли этому контр-движение не только на национальном, но и на глобальном уровне? Как должно выглядеть такое движение? Расширит ли оно наши права – или, наоборот, ограничит? Возможно ли это в принципе, или мы движемся к коллективному самоуничтожению?

> Глобальный Диалог доступен на 14 языках на сайте Международной социологической ассоциации (ISA website).

>Статьи присылайте на адрес burawoy@berkeley.edu

Саймон Кларк *дает интервью о своем сотрудничестве с молодыми талантливыми российскими социологами в проведении множества кейс-стади , посвященных переходу к рыночной экомике и ее последствиям.*

Ален Турен, *всемирно известный социолог, рассказывает, как появился его теоретический подход и сформировалась новая перспективная методология изучения общественных движений. Он рассуждает о своем первоначальном оптимизме и нанешнем пессимистическом взгляде на общество.*

Калпана Каннабиран, *выдающийся индийский социолог и активистка, обсуждает роль потенциального симбиоза социологии и критических исследований правае в борьбе за социальную справедливость.*

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Заместители редактора:
Маргарет Абрахам, Тина Айс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен.

Редакторы-консультанты:
Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Чиндоглу, Том Дуайер, Жан Фриц, Сари Ханафи, Хайме Химинес, Хабибул Хондкер, Саймон Мападименг, Ишвар Моди, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винета Синха, Бенхамин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Бразилия:
Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Селия Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суза.
Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.
Индия:
Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх, Джуоти Сидана.
Иран:
Рейханех Джавади, Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери, Фаэзех Хажезадех, Насторан Махмазаде, Зохрех Сорушфар.
Япония:
Казухиса Нишихара, Мари Шиба, Коусуке Химено, Томохиро Таками, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато, Юко Хотта, Юсуке Косака, Ютака Маеда, Шухей Нака, Кивако Касе, Миса Омори.
Польша:
Миколай Миержевски, Каролина Миколаевска, Кшиштоф Губаньски, Адам Мюллер, Патриция Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Джулиа Легат, Камил Липинский, Кинга Якиела, Конрад Семашко, Зофия Влодарчик.
Румыния:
Косима Ругинис, Иляна -Чинзьяна Сурду, Моника Александру, Балаж Телегди, Адриана Бондор, Рамона Кандараджу, Мириам Чиходариу, Каталина Петре, Мадалин Рапан, Моника Надраг, Лучан Ротарью, Алина Стан, Мара Стан, Кристиан Константин Вереш, Элена Тюдор.
Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.
Тайвань:
Чжин-Мао Хо.
Турция:
Айтюль Касапоглу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонка Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер.
Украина:
Свитлана Хутка, Ольга Кузовкина, Анастасия Денисенко, Мария Домащенко, Ирина Клевцова, Лидия Куземска, Анастасия Липинска, Мирослава Романчук, Ксения Швец, Людмила Смоляр, Орына Стеценко, Полина Стохнушко.
Медиа-консультанты: Густаво Танигути,, Хозе Регейра.
Консультант редактора: Абигейл Эндрюз.

> В этом выпуске

От редактора: Реакция на неолиберализм 2

Творческое сотрудничество с российскими социологами
Интервью с Саймоном Кларком, ВБ 4

Социология как призвание – выходя за пределы социологии
Ален Турен, Франция 7

Социология как призвание – диалог права и социологии
Калпана Каннабриан, Индия 9

Вызовы демократического перехода
Интервью с Мануэлем Антонио Гарретоном, Чили 12

> УРУГВАЙ: СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Уругвай как авангард Латинской Америки
Фелипо Арочена, Уругвай 15

Насколько публично публичное образование в Уругвае?
Адриана Марреро и Леандро Перейра, Уругвай 17

Уругвайское чудо: перераспределение и рост профсоюзов
Маркос Супервьелье и Мариэла Кинонес, Уругвай 19

Уругвайская аграрная революция
Диего Э. Пинейро, Уругвай 21

> ПОДЪЕМ ПРАВЫХ В ВЕНГРИИ

Подъем мафиозного общества в Венгрии
Дьердь Чепели, Венрия 23

Судьба класса в современной Венгрии
Эстер Барта, Венгрия 25

О (без)ответственности элит
Дьердь Лендьель, Венгрия 27

> ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Южная Африка: Женщины-шахтеры и *“поодземное я”*
Асанда Бенья, Южная Африка 30

Кот-д’Ивуар: Символический капитал мобильного телефона
Джорданна Малтон, Франция 33

> ОТЧЕТЫ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Собрание Европейской социологической ассоциации
Дженнифер Платт, ВБ 35

Заключительная декларация
XXIX Конгресс ALAS, Чили 37

Социальная трансформация в цифровой век
Элиса Райс, Бразилия 39

Российская команда Глобального диалога
Елена Здравомыслова, Россия 40

>Творческое сотрудничество с российскими социологами

Интервью с Саймоном Кларком

На протяжении 1980х годов Саймон Кларк, британский социолог из университета Уорвика, был наиболее известен за свой вклад в развитие теории, а именно, за свою оригинальную интерпретацию Маркса и критику либеральных оснований современной социологии и экономики. В 1990 году Кларк предпринял судьбоносное путешествие в Советский Союз, с чего начались два десятилетия исследований в рамках редкого международного сотрудничества. Он стал основным мотором новой школы российской социологии, которая анализировала общество в процессе его трансформации. Вместе с Питером Фейербразером он создал Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) – межрегиональную сеть российских исследователей. Кларк и его российские коллеги тщательно исследовали воздействие экономических реформ на сферу занятости и домохозяйства, и реакцию рабочих и их организаций на эти трансформации. Эти исследования были уникальны по масштабу и оригинальности, они постоянно бросали вызов доминантной неолиберальной идеологии. Этика ИСИТО также достойна отдельной оценки. Иерархия и субординация – ключевые атрибуты советских организаций, а в ИСИТО Саймон Кларк смог создать атмосферу сотрудничества, поддерживаемого доверием, дружбой, духом взаимопомощи и обучения друг у друга. Здесь мы приводим интервью с Кларком, проведенное его бывшими студентами – Сарой Эшвин из Лондонской школы экономики, и Валерием Якубовичем из Бизнес-школы ESSEC во Франции.

Валерий: С конца 80х годов многие западные социологи стали приезжать в СССР, чтобы наблюдать за «естественным экспериментом» по социальным изменениям. Но мало кто – если вообще кто-то – создал новый исследовательский институт. Как вам пришла в голову такая идея?

СК: В марте 1990 года мы с Энни Пхизаклеа привезли группу студентов Уорвика в Россию. Я был сразу же поражен осознанием огромных новых возможностей, которые, как мне казалось, открывались перед нами. Мы совершенно случайно встретились со Светланой Наталушко, которая взяла на себя руководство продвинутыми курсами по социологии, которые были открыты Галиной Михалевой в Высшей комсомольской школе (переименованной в Институт Молодежи) для того, чтобы преподавать среди молодых социологов из российских регионов. В условиях отсутствия демократических выборов опросы общественного мнения стали важным инструментом

Саймон Кларк и социологи Самары

для альтернативных общественных организаций, сформировавшихся в перестроечный период (а также для КПСС и профсоюзов, пытавшихся сохранить власть). Учитывая сложившуюся ситуацию, многие активисты хотели получить навыки социологических исследований. Они слетались в Москву ради обучения в относительно прогрессивной обстановке. Меня пригласили для чтения недельного курса лекций в декабре. Среди студентов были Вадим Борисов и Ольга Родина, на которых впоследствии держался весь ИСИТО. Позднее, в марте, мы с Петером Фейрбразером взяли еще группу студентов и познакомились с новыми молодыми социологами, в том числе Валерием Якубовичем, Владимиром Ильиным и Петром Бизюковым. Вместе мы посетили потрясающие места, встретились с активистами альтернативного рабочего движения.

В это время, как Вы сказали, многие западные социологи начинали исследования в СССР, но большинство с удовольствием передавали свою работу по контракту советским исследовательским институтам, центрам общественного мнения или аспирантам. Все они могли получить огромные объемы недорогих количественных данных (качественные исследования считались ненаучными в СССР), а также отчетов, анализирующих старые исследования. Нас не интересовали сомнительные данные, полученные через посредников, и мы хотели заниматься своими собственными исследованиями. Очевидными барьерами были время и язык, но Вадим,

>>

Володя и Ольга выступали нашими переводчиками и помогали брать интервью. Более того, у нас уже был костяк заинтересованных исследователей, которые были готовы проводить этнографические кейс-стади. В течение последующего года мы четыре раза отправлялись в путешествия по России для того, чтобы вместе с Вадимом и Володей проводить пилотные исследования, брать интервью у представителей рабочего движения и искать потенциальных соратников. Мы объясняли тем, кого встречали, что нас интересовали совместные этнографические исследования, но что финансирования у нас не было. Это было достаточным для того, чтобы на первом этапе отсечь тех, кого интересовала исключительно финансовая сторона вопроса, и выявить заинтересованных в участии ради самого проекта. В конце концов, у нас получилось организовать исследовательские команды в Москве, Сыктывкаре, Самаре, Кемерово. Лидерами были такие отличные профессионалы как Вадим Борисов, Владимир Ильин, Ирина Козина, Петр Бизюков, Вероника Кабалина.

Впоследствии мы запустили исследовательские проекты в Перми, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Ульяновске, Иванове. Вся программа держалась на дружбе и преданности делу команд и их лидеров, без какой-либо институциональной рамки. Однако в разговорах с нашими сотрудниками мы всегда настаивали на том, что пространство неформальной организации, возникшее после распада СССР и его институтов, не продержится вечность, и нам необходимо обрести институциализированную форму в регионах, а также что нам в принципе была необходима институциональная идентичность. В конце концов, после множества бюрократических сложностей нам удалось открыть ИСИТО как некоммерческую общественную организацию, с такими атрибутами как банковские счета, управляющий комитет, директор, бухгалтер, выполнение правил налогового законодательства. Несмотря на это, на практике ИСИТО продолжил функционировать как неформальная сеть, основанная на дружбе, сотрудничестве и приверженности исследовательской деятельности.

Сара: Вы сказали, что качественные исследования считались ненаучными в Советском Союзе. Возникает вопрос, был ли у членов команды ИСИТО опыт этнографических исследований? Или их приходилось обучать?

Валерий: Насколько я помню, несмотря на свою «ненаучную» репутацию, качественные исследования с энтузиазмом принимались в России в ранние 90-е. Как вы думаете, что бы Вы потеряли, не используй вы качественную методологию?

СК: Когда мы только запускали свою исследовательскую программу, мы обсуждали ее со многими социологами в Москве. Они настаивали на том, что в провинции вообще нет социологов, только «полевые исследователи». Социология была разделена между социальными философами и социальными исследователями. Социальные философы, считавшие себя единственными настоящими социологами, проделали плавный переход от марксизма-ленинизма к западной социальной философии, но не заинтересовались оценкой эмпирической валидности, ни первого, ни второй. Социальные исследователи же настаивали, что хотя у качественных методов и может быть какая-то эвристическая ценность, только количественные методы могли считаться истинно научными. Несмотря на это, молодое поколение социологов, особенно социологов из российских регионов, показывали искреннюю заинтересованность в качественных методах. Частично это объяснялось объемом доступных ресурсов: за пределами московских институтов ощущалась их нехватка, а вот качественными методами мог заниматься кто угодно, конечно, если ему это позволяло время. Но у заинтересованности качественными методами была и другая причина – они были крайне разочарованы советской фетишизацией и политизацией количественных исследований. Никто не верил количественным данным, публикуемым государственными учреждениями ради поддержки государственной политической линии. Качественные исследования, наблюдение за людьми и разговоры с ними – вот что раскрывало другие уровни реальности, которые никогда не находили отражения в советских публикациях. Поэтому они так привлекали юных критически настроенных социологов.

Когда мы начали работать над нашим первым проектом, мы провели трехдневный семинар по качественным методам в министерском доме отдыха недалеко от Москвы, где мы ночевали в неотапливаемых деревянных избах. Главным образом мы хотели сказать нашим коллегам следующее: количественные исследования должны быть систематичными и доскональными. Питер провел запомнившуюся дискуссию о технических аспектах качественных исследований – важности адекватной и достаточной аппаратуры для аудиозаписи, важности ведения полевых записей прямо во время интервью или наблюдения, о технических и этических аспектах записи интервью и так далее. Все воспринимали происходящее с энтузиазмом, на лету схватывали информацию и запоминали главные принципы качественных исследований.

Большая часть нашей исследовательской работы была основана на сравнительных исследованиях различных случаев, в особенности касающихся промышленных предприятий. Каждая исследовательская команда была ответственна за проведение определенного количества кейс-стади в соответствии с согласованным графиком. Мы проводили стартовые семинары, на которые приглашались все исследователи. На семинарах мы решали, кого будем интервьюировать, например, представителей руководства или обычных рабочих, выбирали главную и дополнительную группы исследуемых, определяли, какие формы наблюдения будем использовать, например, сидеть в офисе начальника или председателя профсоюза или находиться неподалеку от бригадира. Затем мы набрасывали путеводитель интервью и подготавливали шаблон отчета по каждому предприятию. Таким образом, мы могли удостовериться в том, что все исследования будут проводиться по примерно одинаковой схеме. Каждый отчет вместе с соответствующим транскриптом интервью и полевыми дневниками распространялся среди всех исследовательских команд и обсуждался на семинарах. Каждые три месяца мы проводили встречи с лидерами групп, чтобы посмотреть, как далеко продвинулась каждая группа. Каждый год мы проводили исследовательский семинар со всеми участниками для того, чтобы сформулировать и оценить гипотезы, имея на руках результаты полевой работы. На финальном семинаре по каждому проекту от всех ожидалась презентация аналитической записки, основанной на всех отчетах по кейсам. Эти записки становились основой проектных публикаций на русском и английском языках.

>>

Мне кажется, что без качественной методологии мы бы в принципе не открыли ничего нового и *интересного. Люди на уровне обыденного знания были в курсе того,* что произошло в советских и российских институтах и организациях, но это знание нигде не было систематически кодифицировано. Без качественных исследований у нас нет ни малейшего представления о том, какие вопросы занести в анкету и каким образом интерпретировать ответы; количественные исследования могут быть эффективны только на финальной стадии проекта, когда мы ищем основание, на котором можно обобщить выводы, сделанные в результате качественных исследований. Мы не были против количественных методов как таковых, но доступные в России на тот момент количественные данные вызывали у нас серьезные сомнения, особенно учитывая то, что многие наши соратники работали интервьюерами и неплохо знали, на какие ухищрения идут респонденты. Мы также нашли значительные несоответствия в данных, которыми планировали пользоваться сами.

Недовольство доступными данными привело нас к тому, чтобы заняться поисками финансирования нашего собственного опроса, связанного с изучением рынка труда в четырех ключевых регионах в 1998 году. Ответственным за проект, подразумевающий строгий отбор информантов, мониторинг интервьюеров, тестирование валидности данных, стал Валерий Якубович.

Сара: ИСИТО был необычайно продуктивен, вы опубликовали 18 книг, 55 статей на английском и множество работ на русском языке. А какие открытия особенно порадовали вас?

СК: Изначально мы искали новые рабочие движения, которые могли бы стать лидерами во время транзита, и на протяжении исследований мы пытались поддерживать развитие демократического и эффективного профсоюзного и рабочего движения в России. Мне кажется, что большая часть наших открытий могут скорее вогнать в депрессию, а не обрадовать. После изначального энтузиазма по поводу распада СССР, когда буквально все казалось возможным, нам пришлось понять, как наивны мы были: неолиберализм снес все возможности, а противостояние «реформам», уничтожившим человеческие жизни и надежды, редко было более чем символичным, без эффективного лидерства и поддержки со стороны традиционных профсоюзов. В это же время «альтернативные» профсоюзы утопали в болоте коррупции. Конечно же, были отдельные личности и маленькие группы, противостоявшие этому, но большая их часть была подавлена или пострадала от всеобщего равнодушия.

Большая часть наших исследований систематически доказывала то, что мы подозревали и ранее на основании предыдущего опыта и наблюдений, но были и некоторые сюрпризы. В одном из наших первых проектов мы задались вопросом, что же мотивирует российских работников. Сергей Алашеев сформулировал гипотезу: «российские рабочие любят работать», над которой мы изначально лишь посмеялись. Однако его статья в книге «Менеджмент и промышленность в России: формальные и неформальные отношения в период транзита» (Formal and Informal Relations in the Period of Transition, 1995]) оказалась великолепным доказательством данного тезиса.

С научной точки зрения, я полагаю, наиболее интересной находкой было выявление роли советской культуры, ментальности и практик (как бы их не понимать) в работе различных институтов. Исследования показали, что это в особенности относится к профсоюзам, управлению промышленностью и в культуре отношений на уровне цеха. Однако этот феномен очевиден и в воссоздании традиционных государственных структур.

Наиболее интересные результаты дал опрос домохозяйств 1998 года. Был собран большой объем высококачественных данных, при помощи которых мы могли проверять различные гипотезы. Лена Варшавская из Кемерово выдвинула гипотезу, что домашнее сельское хозяйство не было прерогативой бедных, как утверждали многие, потому что затраты на домашнее сельское хозяйство (время и деньги) значительно превышали приносимые им выгоды. В соответствии с аргументом о преемственности, оно представляло собой форму досуга, выражавшую советскую рабочую этику, идеализацию природы, традицию обмена.

Другая ключевая находка - большее влияние институциональных, а не рыночных факторов на различия в оплате труда. Это открытие подкрепляло традиционный, хотя и порядком подзабытый аргумент специалистов по индустриальным отношениям и противостояло аргументам по экономике труда. Это открытие также показало, что экономика труда не в состоянии дать убедительное объяснение разделение оплачиваемого и неоплачиваемого труда в домохозяйствах. Для меня, бывшего экономиста, эти открытия наиболее интересные, так как я считаю, что главная задача социальных наук в наши дни – бросать вызов неоклассической экономике, показать, насколько эта идеология разрушительна.

Валерий: А что происходит в ИСИТО сейчас?

СК: ИСИТО как институт проходит через процесс ликвидации, в первую очередь из-за административных и финансовых процедур (дорогостоящих как по затратам времени, так и по денежным затратам), требуемых российским государством. Однако неформальные связи остались. В некотором роде ИСИТО – жертва собственного успеха. Его члены стали крайне востребованными профессионалами, занявшими главные исследовательские и преподавательские позиции в российских университетах. Большинство получили позиции, на которых они продолжают начатую ранее работу. Последний семинар ИСИТО пройдет в марте 2014 года, скорее всего, В Египте, и мы пригласим туда всех своих друзей и товарищей.■

Публикации ИСИТО можно найти на сайте www.warwick.ac.uk/russia.

>Выходя за пределы социологии

Ален Турен, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция, вице-президент МСА (1974-1978)

Ален Турен является крупнейшим социологом мирового масштаба. Его жизнь в профессии насчитывает сорок лет. Начав как промышленный социолог, он заработал себе имя как теоретик общественных движений, изучение которых привело его к идее коллективного само-создании общества и разработке новой методологии социальной интервенции. Турен – социолог с редким глобальным охватом, всегда находящийся в поисках общественных движений, борющихся за свободу, справедливость и достоинство во всем мире. Из-под его пера вышло множество работ, ставших прижизненной классикой: «Майское движение утопического коммунизма» (The May Movement of Utopian Communism 1968), «Постиндустриальное общество» (The Postindustrial Society,1969); «Производство общества» (The Production of Society 1973), «Глас и око» (The Voice and the Eye, 1978), «Солидарность: анализ общественного движения в Польше: 1980-1981» (Solidarity: The Analysis of a Social Movement: Poland 1980-1981 (1983) (в соавторстве с Франсуа Дюбэ, Мишелем Вивёркой и Яном Стрелецким), «Возвращение актора» (The Return of the Actor 1984), и последнее, «Конец общества» (The End of Societies). Турен основал свой собственный Центр социологического анализа и социологической интервенции в Высшей школе социальных наук в Париже, где он обучает множествв студентов со всех концов света.

Ален Турен.

Социологией я заинтересовался в первую очередь потому, что испытывал глубокую неприязнь к школьной системе, для которой защита своих собственных норм была важнее, чем удовлетворение разнообразных потребностей молодежи. Я являл собой странный пример несчастливого и не очень успешного школьника, который в конце концов добился блестящего результата на выпускных экзаменах и стал студентом престижной Высшей нормальной школы Парижа. Через два года я покинул это прекрасное место и провел год, то путешествуя по Центральной Европе, то работая шахтером средней квалификации.

Жорж Фридман, основная фигура в новорожденной европейской промышленной социологии в то время, пригласил меня вступить в группу исследователей, изучавших изменения, произошедшие в сфере занятости под влиянием развития новых технологий. Он назначил меня руководителем проекта, осуществлявшегося в главной французской автомобильной компании – национализированной «Рено». Я посвятил полтора года изучению подробностей содержания труда форм промышленной организации на разных заводах и фабриках этой гигантской корпорации. Я опубликовал результаты этого интенсивного проекта в 1955 году. Это была моя первая книга. В это же время я выиграл другой конкурс – мне предлагалось стать профессором истории – но благодаря Фридману я получил место штатного исследователя-социолога, и у меня была полная свобода организации своей собственной исследовательской группы. Фридман мягко сказал мне: «Если вы пройдете по конкурсу , мне удастся получить ставку у администрации на позицию социолога, а если нет, я постараюсь сделать то же самое, ведь нам нужно новое поколение ученых».

После нескольких лет работы во Французском национальном исследовательском центре (CNRS), я провел год в США – в Гарварде, Колумбийском университете, Чикаго – и еще год в Чили, где я основал Центр изучения промышленной социологии и, что более важно, женился на девушке-биологе. Тогда, в возрасте 34 лет, меня избрали на пост профессором в Высшей школе социальных наук – тогда, правда, она носила другое название – где я провел остаток своей профессиональной жизни, за исключением нескольких лет в Латинской Америке и ряда семестров, проведенных в Беркли, УКЛА и Новом университете в Нью-Йорке.

В 1966 году моя враждебность по отношению к официальной академической системе подвигла меня на сотрудничество с новым университетом Нантерр, который был основан недалеко от Парижа. Я не знал

>>

тогда, что проведу несколько лет в самом сердце студенческого движения Европы, которое стремительно превращалось в крупную культурную и политическую драму. Из всех книг, посвященных этой теме, моя, как мне кажется, написана в наиболее одобрительном тоне, так как я рассматривал эти события как наиболее важный пример (после движения за свободу слова в Беркли в 1964 году) новых «культурных», а не «общественных» движений. В то же время я подчеркивал противоречия между культурным движением и старыми марксистскими идеологиями, в особенности троцкизмом и маоизмом, которые интерпретировали его в политическом ключе. Это было чем-то вроде розлива молодого вина в старинные бутылки. Такая позиция столкнула меня лбами как с консервативными преподавателями, так и с «левыми» политическими группами. Но я был глубоко согласен с Даниэлем Кон-Бендитом (Daniel Cohn-Bendit), анархистом и анти-коммунистом, который был наиболее влиятельной фигурой в Нантерре в период моего преподавания.

Я быстро понял, что большинство форм коллективного поведения не могут определяться в терминах согласия или несогласия с какими-либо законами, традициями, доминантными ценностями. Это привело меня к разработке двух начинаний. Первое из низ заключалась в изучении коллективного поведения через прямое участие – в нескольких случаях я провел целый год с участниками социального или политического движения. Я не использовал анкетирование, вместо этого я организовывал дебаты между активистами и их сторонниками, а также противниками. Так я изучал студенческое движение, антиядерное движение, региональное националистическое движение, профсоюзы рабочих в разных секторах экономики, и, что принесло нам больше всего радости – польское движение «Солидарность» 80-81 гг., а также профсоюзы чилийских шахтеров и рабочих сталелитейного производства. Позже, вместе с другом, я посвятил довольно много времени изучению движения Запатиста на юго-востоке Мексики. В каждом случае я стремился к тому, чтобы участники движения как можно более четко осознали значение своих конфликтов.
Этот подход очевиднейшим образом противоречил функционалистским исследованиям, в которых акторы и системы рассматривались как две стороны одной медали. Напротив, – и в этом заключается моя вторая, теоретическая инициатива – я все более и более убеждался в том, что логика социальной системы и логика социальных акторов, или как минимум логика тех, чьи действия достигали высочайшего уровня инновативной и критической интервенции, в прямом смысле противоречили друг другу. Системы стремятся к интеграции и адаптации к внешним и внутренним изменениям, в то время как акторы хотят увеличить свою свободу действия, свою автономность, ответственность и достоинство. Частенько происходит так, что следование этим двум противоборствующим логикам приводит к совершению одних и тех же действий. Однако в обществах, где внутренние системы контроля относительно слабы и в которых среда постоянно изменяется, эти две логики часто противоречат друг другу, несмотря на изобретение все новых и новых методов манипулирования общественным мнением. Глобализация сама по себе усложняет все процессы и, как следствие, способствует сосуществованию одновременно множества конфликтов в любом секторе социальной жизни.

Нам всем известно, что социология была создана в индустриальных обществах, то есть в обществах, обладающих огромной способностью к трансформации своей среды и самих себя через создание новых форм производства, организации, дистрибуции и потребления, то есть при помощи социальных и экономических ресурсов и методов. На этом этапе впервые общество оказалось способным на то, чтобы осознанно создавать и изменять себя. Этот момент отлично выражен в базовом дюркгеймовском принципе социологического метода: объяснять социальные факты социальными фактами.

Вторая зарактеристика трансформации, столь же важная, относится к рационализации и маркетизации, которые теперь доминируют не только в товарном производстве; они навязывают свою логику и процессам коммуникации и репрезентации, таким образом, что социальные и экономические акторы устраняются из этих новых огромных полей. Акторы теряют власть до такой степени, что все, что им принадлежит – это инструментальная рациональность.

Наша главная задача сегодня – понять социальные ситуации и социальных акторов, разительно отличающихя от ситуаций и акторов, характерных для индустриального общества. С одной стороны мы видим распространение авторитарных режимов, с другой – на Западе промышленный капитализм был замещен сначала в 1929, а затем в 2007-2008 годах финансовым капитализмом, у которого нет иной экономической функции кроме стремления к получению выгоды любыми методами. Акторы могут противостоять сильному спекулятивному капиталу и стремлению к чистой прибыли тольео через защиту универсальных этических ценностей. Хотя в течение долгого пост-военного периода понятие прав человека было не популярно, теперь мы видим, что Права Человека и Демократия – единственные ценности, способные мобилизовать достаточные социальные и политические силы для противостояния антидемократическим авторитарным режимам и спекулятивному капитализму.

Мы категорически не приемлем идентификацию акторов с системами, как это было характерно для индустриального общества. XXI век начался в 1989 году с падением Берлинской стены и массовыми демонстрациями на площади Тяньаньмэнь. Потом наступила Арабская весна. Демократический дух везде получает поддержку новых сил. Недавно я попытался проанализировать это общее изменение в подходах в довольно большой книге под названием «Конец общества» (The End of Societies), где я говорю о смерти обществ, мыслящих и живущих автохронно, независимо от других. Социологи тоже должны признать, что концепция общества больше не соответствует реальности, в которой мы живем. И хотя социологию можно смело переименовывать в «политическую этику», социальные науки не исчезнут. ■

> Диалог права и социологии

Калпана Каннабиран, Совет социального развития, Хайдарабад, Индия, член программного комитета МСА, 2010-2014, член Исследовательского Комитета МСА «Женщины и общество» (ИК 32)

Калпана Каннабиран – профессор социологии и директор Совета социального развития в Хайдарабаде, автономном исследовательском институте, поддерживаемом Советом Индии по социальным исследованиям. Она была удостоена награды имени ВКРВ Рао за исследования в сфере социологии права в 2003 году. Она стала одним из основателей Университета права NALSAR, где преподавала социологию и право в течение десяти лет с 1999 по 2009 год. Калпана – со-основатель Ресурсного центра для женщин Асмита (открытого в 1991 году). Ее работа фокусируется на изучении социальных оснований борьбы с дискриминацией, насилия против женщин, а также на вопросах конституционализма и социальной справедливости в Индии. Ее последняя книга называется «Инструменты справедливости: анти-дискриминационные меры и индийская конституция» (Tools of Justice: Non-Discrimination and the Indian Constitution (Routledge, New Delhi, 2012).
В 2012 году Калпана Каннабиран была удостоена награды имени Амартии Сена за выдающиеся успехи в изучении социологии права.

Калпана Каннабриан.

>>

Я начала изучать социологию в университете Хайдарабада, когда училась в бакалавриате в 1970х. Но это не было осознанным выбором. В некотором роде комбинация таких дисциплин, как экономика, социология и география казались мне интересными. Они отличались от литературы, психологии, философии, о которых я точно знала – изучать это мне не хочется. В некотором смысле это был выбор «по умолчанию». Я училась в государственном колледже в университете Османия – Низам коллеж. Затем поступила в университет Хайдарабада на магистерскую программу по философии. И, в конце концов - в аспирантуру по философии Университета Джавахарлала Неру. Учиться в бакалавриате было невероятно скучно. Как, впрочем, и в магистратуре.

К счастью, ко второму курсу бакалавриата я подружилась с феминистской группой Стри Шахти Сангатана и начала участвовать в кампаниях против домашнего насилия и изнасилований. Я узнала о движениях за гражданские права, которые боролись с несправедливостью между 1977 и 1985 годами, в период, последовавший за чрезвычайным положением (введенным Индирой Ганди в 1975 году). Мне повезло потому, что очень многое о движении за гражданские права мне было уже известно: мой отец был юристом, президентом Комитета Андра Прадеш по гражданским правам, затем стал президентом национального Народного Союза гражданских свобод, а моя мать, феминистка, писательница и поэтесса, была открытым критиком Движения за гражданские свободы, хотя и продолжала помогать жертвам и политическим диссидентам, приходившим к нам в дом. Мы были членами одной организации и стали со-авторами книги «Мы творили историю: рассказы женщин о борьбе народа Телангана (We Were Making History: Life Stories of Women in the Telangana People's Struggle.)

Опыт прямого наблюдения за последствиями государственного насилия и сопротивления ему повлияли на мое восприятие социологии как ключа к альтернативному пониманию общества. С того времени я начала серьезно относиться к социологии. Мое отношение было всегда связано с пониманием закона и приверженностью радикальной политике. Не социология права, а социология и право как полноценные отдельные дисциплины должны вступать в диалог, создавая более детальное понимание правосудия. По иронии, эта связь в моем сознании усилилась тогда, когда при пожаре в своем доме на глазах у своего двухлетнего ребенка погибла моя научная руководительница (ей было около тридцати) и ее муж (тоже преподаватель на этом факультете). Я была ее последней студенткой и подругой. Всем было известно, что в семье нелады, и все знали, что она страдала. Но на занятиях по социологии семьи я не узнавала ничего такого, что могло бы помочь мне понять суть ситуации. Справиться со всем этим я смогла только благодаря своим связям вне университета, хотя мой «активизм» и раздражал преподавателей.

Моя вовлеченность в политику и правовой опыт судебных разбирательств и стратегий интерпретации довольно скоро привел к тому, что у меня возникло желание изучать прецедентное право, конституцию, дебаты учредительного собрания, а также законодательные дебаты. Но меня интересовали и возможности народного трансформативного конституционализма. Я хотела узнать, каким образом социальные и политические движения репрезентируют конституцию в судах и за их пределами? Каким образом движения связаны с конституционализмом? Какие законодательные траектории развивают движения и какова диалектика влияния права на движения? Одним из примеров является Закон о правах коренных народностей и племен, традиционно проживающих в лесах (2006 г.). Двухсторонние отношения, в рамках которых движения заставляют нерадивое государство соблюдать конституцию, а государство в свою очередь рассчитывает на законодательные инициативы движений, наводят на интересные идеи о возможных исследованиях. Иными словами, если сделать правосудие краеугольным камнем социологических исследований, исследования права создают рамку для социологического проекта.

Конечно же, я не собиралась просто изучать право с позиции социолога, потому что, как со-основательница феминистской группы Асмита (1991 г.) я консультировала женщин, переживших изнасилование и домашнее насилие. Даже аспирантура по социологии и понимание законов и права не помогли мне получить ответы на вопросы от юристов, занимавшихся этими делами. Чтобы обрести недостающие навыки, я начала изучать право, получив две новые степени. Я закончила бакалавриат, а затем и магистратуру по юриспруденции. Я отказалась от юридической практики, но теперь получила доступ в суды и могла вблизи посмотреть на другой – конституционный – здравый смысл, в соответствии с которым действовали юристы, судьи, представители сторон, студенты юридических вузов – смысл, расширявший понимание фундаментальных прав за пределы редукционизма конституционного законодательства в том виде, в котором оно практиковалось. Я решила посвятить свою работу снижению страданий и вреда, наносимого людям и сообществам, которые были особенно уязвимы.

С другой стороны меня поразило, насколько ограниченным было понимание права со стороны социологов, несмотря на то, что довольно широкий круг социологических

>>

вопросов довольно тесно связан с областями процессуального и обычного права. Хотя ранняя западная антропология и социология пристально изучали отношения права и общества – Малиновский, Дюркгейм и Вебер – социология в Индии оставалась закрытым сообществом во многих смысла. Я убеждалась в этом в течение всего периода моего обучения и при первых попытках проводить исследования и публиковаться. Ключевой проблемой индийской социологии является «каста», и множество исследований, посвященных этой тематике, просто воспроизводили идеологии и структуры господства, помещая теорию в рамках опыта господствующих и черпая логику исходя из этой точки зрения. Для изменения этого положения дел потребовался длительный период времени. Наконец мы можем наблюдать, как в аудиториях и академических журналах озвучиваются альтернативные аргументы.

В своей работе я стараюсь отстраниться от принятых конвенций. Таким образом, часть моей работы фокусируется на истории возникновения криминальной юриспруденции и того, каким образом ее развитие в течение колониального периода привело к развитию современных дебатов о сексуальном насилии, секс-работе, смертной казни, криминализации гомосексуальности и трансгендеров. Социология, вооружившись знанием права, дает нам возможность изучить законодательную политику, судебный процесс, интерпретативные стратегии; она способствует глубинному пониманию тонких механизмов, по которым идеологии господства пронизывают процессуальное право, нанося урон фундаментальным правам даже когда, казалось бы, они их защищают. И, конечно же, такая социология может анализировать отношения между социальным положением индивидов и групп и их доступом к правосудию.

Второе поле моего интереса - исследование насилия. Я занималась изучением гендера, каст, инвалидности, а также меньшинств (сексуальных и религиозных). Все это время я занималась изучением взаимодействия дискриминации, ограничений свободы и насилия. В особенности меня интересуют теоретические стратегии, которые могут способствовать сдвигу в интерпретации конституционного права в судах. Например, я изучала, какие формы принимает ограничение свободы для различных групп. Среди таких форм – неприкасаемость для касты, сексуальный контроль – для женщин, принудительное переселение – для племен, геноцид и геттоизация - для религиозных меньшинств и отказ от нормы безбарьерного доступа для лиц с ограниченными возможностями. Каким образом представления о социальной трансформации одновременно вмещают в себя фреймы революционного насилия, принципа ненасилия Ганди, и сопротивления кастам Амбедкара? Создатель индийской Конститутции и философ, борющийся с кастовой системой, Амбедкар – влиятельная фигура, которую маргинализовала мейнстримная наука. Как можем мы оживить интеллектуальную историю, связанную с конституциональными вопросами?
Категория справедливости, которую рассматривают социология и право, предлагает две особо релевантные идеи. Первая – это идея Амбедкара о том, что конституционная мораль должна прийти на смену существующей общественной морали. В течение шестидесяти лет эта концепция была невостребованной, пока ее не вернул к жизни Высший суд Дели во время процесса Naaz Foundation 2009 года, когда он поддержал права сексуальных меньшинств. Амбедкар лишь предложил идею. Но каковы контуры понятия? Как можно развить его так, чтобы поддержать концепции справедливости и правосудия в рамках социальных наук? Апелляции к идеям Амбедкара подчеркивает, как важно при изучении правоприменения не бояться задумываться о невероятных и даже немыслимых связях.

Второй вопрос, который мне особенно интересен – это то, как интерпретируется несогласие - неповиновение, критичность, рефлексивность – в поле конституционной морали и системе правосудия в целом. Именно эти интерпретации влияют на общественные движения и создают рамку для радикальной борьбы на разных фронтах. Они включают интерпретации угнетенных, которые на протяжении истории сталкивались с несправедливостью, то есть интерпретаций, по определению являющиеся подрывными. ■

> Сорок лет после чилийского путча

Интервью с Мануэлем Антонио Гарретоном

Часть II: Трудности демократического перехода

Мануэль Антонио Гарретон, представляющий Манифест в поддержку Новой конституции, Июнь 2013.

Мы продолжаем интервью с Мануэлем Антонио Гарретоном. На этот раз мы сконцентрируемся на наследии диктатуры в демократической политике. Помимо плодотворной и разнообразной академической деятельности профессор Гарретон вел активную политическую жизнь, начиная с того момента, когда он был избран на пост президента студенческого союза в Католическом университете в 1964 году. Во время диктатуры он писал и преподавал за пределами официальной академии, передавая знания новым поколениям, у которых помимо этого было мало шансов на получение плюралистического образования и информации. Он активно участвовал в восстановлении и переустройстве демократического социалистического проекта, став членом Центрального комитета Социалистической партии. После падения диктатуры он участвовал в публичных дебатах о демократическом транзите, выступал в качестве советника первого Министра образования, координатора Комиссии по культуре и члена Комиссии по высшему образованию. В последние годы он занимался продвижением новой конституции. В своей политической деятельной он всегда опирается на интеллекутальные перспективы социальной науки.

МБ: В предыдущей части интервью (ГД 3.5) Вы рассказали о неудачах Сальвадора Альенде и «Народного единства», особенно о теоретических неудачах, поспособствовавших их краху. Давайте теперь обратимся к краху диктатуры. Как это могло произойти? Как это случилось?

МАГ: Давайте начнем с уточнения: отнюдь не неудачи или проблемы Народного единства привели к его краху. К краху его привел заговор гражданских правых и вмешательство военных, все это поисходило при поддержке США. В 1980х диктатура приняла совершенно новую конституцию, породившую два разных политических порядка: один с 1980 по 1988 гг, другой - после 1988 года. Первый представлял собой кристаллизацию диктатуры, но в условиях конституции. Второй планировался как строго авторитарный гражданский режим с правом вето у

>>

военных, этот политический режим называется ограниченной демократией или охраняемой демократией. Но для того, чтобы перейти от одного политического устройства к другому, и чтобы оставить того же лидера у власти – то есть Пиночета – был необходим какой-то механизм.

МБ: Вы говорите о референдума, правильно?

МАГ: Да, они выбрали референдум, но это только создало им проблемы. К этому времени оппозиция развила значительные способности самоорганизации, научилась сопротивляться, поддерживать вовлеченность организаций и отдельных личностей, смогла соединять разные сегменты оппозиции друг с другом, а также с социальными секторами, в условиях стремительно меняющегося контекста социальных трансформаций, ослабления профсоюзов и так далее. Экономический кризис 1982-83 гг. запустил цикл мобилизации, который поспособствовал тому, что люди начали кооперировать, собираться вместе, преодолевая страх и создавая политические альянсы, но без каких-либо идей о том, как избавиться от диктатуры. В то же время коммунисты, не входившие в социалистическую оппозицию, хотели избавиться от диктатуры революционным путем. Их покушение на жизнь Пиночета провалилась. Пока диктатура не организовала плебисцит для того, чтобы оставить Пиночета у власти, у оппозиции не было четкой стратегии. Оппозиция приняла трудное решение- победить в референдуме. Как признал один из правых гражданских сторонников диктатуры, плебисцит представлял собой величайшую ошибку режима, так как он сыграл на руку оппозиции. Ведь единственное, что они умели – это выигрывать на выборах!

Несмотря на все уловки и властные ресурсы режима, оппозиция одержала победу. Поэтому механизм, который диктатура выбрала для самовоспроизводства на деле оказался тем, что его разрушило. Что касается оппозиции, то пока единственной ее целью было получить от как можно большее число голосов против поддержки Пиночета на референдуме, не имело большого значения, есть ли у нее программа на будущее или нет.

МБ: Довольно странно для диктатуры окончить свой век таким образом – можно сказать, покончив жизнь самоубийством. Какие последствия для демократии принес плебисцит?

МАГ: *Одним из последствий стало то, что страна в принципе избавилась от диктатуры. Но не от характерной для нее институциональной рамки или экономической модели! Это крайне важно. Это единственная страна в мире, где после долгого периода диктатуры конституция, созданная собственно при диктатуре, не была заменена на новую. Это единственный случай демократического транзита в Латинской Америке, в рамках которого не проводился созыв учредительного собрания...*

Однако это не было неизбежным. После того, как была одержана победа на референдуме, а затем и на выборах, правящая коалиция – Concertación - вполне могла пойти дальше и внести больше изменений в политическую систему без угрозы возвращения к авторитарному правлению.

МБ: Начав с таких изменений в политической системе коалиция затем могла бы внести изменения и в неолиберальную экономическую модель?

МАГ: Чтобы сменить экономическую модель сначала необходимо изменить политическую. Например, в соответствии с нынешней конституцией нельзя даже создать государственное предприятие. Ведь это и есть чистой воды неолиберализм, даже более дистиллированный, чем тэтчерский, потому что он был достигнут в условиях диктатуры! Теперь, двадцать лет спустя, мы имеем то, что я называю ловушкой успеха правящей коалиции, которая 19 раз одержала победу на выборах. В период ее правления душевой доход населения вырос с 5 000 до 15 000 долларов, и (еще один индикатор прогресса) – у 70 процентов чилийских студентов родители не имеют высшего образования. Это огромные изменения. Поэтому правящая коалиция заявляет, что результат работы совсем неплохой. Тогда зачем же нам вносить фундаментальные изменения? Зачем менять конституцию? Мы демократизировали Чили, и это важнейшее изменение. Более того, они заявляют, что «исправили» неолиберализм. Но подкорректировав его, они только укрепили его, восстановили его легитимность. Иными словами, им не удалось порвать связи общества с Пиночетом, с социо-экономической моделью времен диктатуры, собственно с этим недемократическим режимом. У нас демократическое правительство, демократическая политика, а вот режим – нет.

МБ: Что вы хотите этим сказать? Что значит – демократическая политика при недемократическом режиме? Это очень похоже на суждение в духе ленинизма!

МАГ: Я хочу сказать, что, во-первых, конституция не получила демократического одобрения. Поэтому по своей сути, по своему происхождению она нелегитимна. Во-вторых, конституция установила политическую систему, в которой меньшинство, поддерживающее диктатуру, обладало такой же электоральной властью, как и большинство, выступавшее против нее. Избирательная система практически не дает электорату выбрать двух кандидатов от одной и той же партии, даже если партия выиграет большинство голосов. Члены Конгресса всегда поровну разделяются на два блока. А для изменения конституции необходимо набрать 75 процентов голосов. Вот и получается, что это невозможно. В конце концов, для чего была нужна конституция? Для сохранения экономической модели. В ней одна строчка о праве на жизнь и три страницы о правах собственности.

МБ: Что же не так с социо-экономическим порядком в стране? Ведь все индикаторы указывают на то, что все в порядке...

МАГ: Я считаю, это полный провал. Все хорошее объясняется совсем не характером экономической модели, а уровнем цен на медь, политикой правящей коалиции по борьбе с бедностью. Разрешение экономического кризиса заложено не в модели, а в определенной конкретной политике правительства.

МБ: Значит, модель не так уж и плоха? Просто она не эффективна?

МАГ: Нет, нет. В 1970е гг. Чили занимала второе место в Латинской Америке по равенству распределения доходов. В 2000 году – второе с конца (за ним следовала только Бразилия, в то время как на первом месте всегда оставался Уругвай). Распределение доходов в Швеции, до вычета налогов, более неравномерно, чем в Чили после вычета налогов. При этом в Швеции один из лучших показателей равенства распределения доходов в мире, а в Чили – наоборот. Во-вторых, на свете нет системы образования более сегрегированной, чем в нашей стране – будь то по категориям проживания, , классу, доходу или какому-либо иному параметру. Конечно, в 1970 году было меньше студентов, но тогда 75% обучались в госуниверситетах, теперь же – не более 35%. Поэтому здесь просто нет общества, а есть рынок с кое-какими поправками со стороны государства. Есть важный разрыв между обществом и политикой. Если пропадут китайцы и медь, пропадет страна. Модель основана на экспорте, на предметах потребления, на народном долге.

>>

Здесь наихудшие условия труда в мире. Лишь 8% работников-члены профсоюзов. Это единственная страна, которая не проводит никакой политики в отношении коренного населения (мапуче). А еще это страна, обожающая антидепрессант***ы.***

МБ: Разве вы не сказали недавно, что нищета была побеждена?

МАГ: Если воспользоваться стандартным измерением, можно сказать, что уровень бедности упал с 50 до 15 процентов. Но, знаете, те, кто сегодня не за чертой бедности, завтра вполне может там оказаться. Ведь государственной системы социальной защиты просто не существует.

МБ: Хорошо. А теперь давайте обратимся к студенческому движению. В какой мере оно отражает эти неравенства? В какой степени у студентов есть свой собственный политический проект?

МАГ: Существуют различные интерпретации студенческого движения. Есть те, кто говорит, что это типичное движение среднего класса. Студенты недовольны, потому что у них в принципе все есть, а им все мало. Недовольство – важнейшая составляющая любого общественного движения, но оно не может объяснить мобилизацию. Если уж говорить о недовольстве, то самые недовольные – это родители, потому что им приходится влезать в долги для того, чтобы дать детям образование.

Главное требование студентов – государственное образование, включающее в себя три элемента. Во-первых, система гособразования должна быть мажоритарной и гегемонной. Должно существовать и негосударственное образование, но и его следует контролировать. Во-вторых, на законодательном уровне должны быть запрещены образовательные учреждения, нацеленные на извлечение прибыли, а также нынешняя система, при которой государство субсидирует частное предпринимательство в школьной системе и даже в высшем образовании. Третье требование – это запрос на бесплатное высшее образование и отсутствие субсидий частного образования.

Но нельзя сделать образование бесплатным для всех без радикальной реформы системы налогообложения. Дети буржуазии должны получать бесплатное высшее образование наравне со всеми остальными только в том случае, если они платят большие налоги. Значит, нужно менять экономическую систему, что в свою очередь предполагает внесение изменений в политическую систему.

МБ: Вы хотите сказать, что это революционные требования?

МАГ: Я хочу сказать, что это фундаментальное требование, которое отличается от требования улучшения условий. Мне кажется, что студенческое движение в Чили играет эту же роль, что и движения в Венесуэле и Боливии, но при этом не имеет доступа к правительству или партиям. Они стремятся коренным образом изменить отношения между государством и обществом, унаследованные со времен диктатуры. И в этом смысле это «революционное» требование – но не в плане метода. Другой основополагающий аспект студенческого движения заключается, на мой взгляд, в том, что это первое общественное движение в современной чилийской истории, которое не связано с с политической системой.

МБ: Значит, частное образование основано на экономической модели, которая не может быть изменена без изменения конституции и соответствующей политической системы, а такие изменения, в свою очередь, предполагают, что необходимо заново выстроить отношения между политикой и обществом. Итак, Мануэль Антонио, кто же сможет взяться за это? За то, что уже было сделано в Бразилии, Венесуэле и Боливии? Какие силы способствуют преобразованию рыночного постпиночетского общества в более демократическое?

МАГ: В Чили все исторически значимые проекты осуществлялись через взаимодействие партий и движений: индустриализация проводилась Ннародным фронтом (коммунистами, социалистам, радикалами), «аграрная реформа» - Христианскими демократами (церковью и крестьянскими движениями), «социализм» - Народным единством (социалистами, коммунистами и другими партиями). Борьба с диктатурой проводилась ныне правящей коалицией (Concertación) и коммунистической партией, но сегодня этот альянс недостаточен для того, чтобы установить демократию. Для этого потребуется восстановление связи с общественными движениями. Уже были моменты, когда это казалось возможным, но заканчивалось неудачей. Сейчас, в связи с недавними президентскими выборами, открылась очередная возможность. Мишель Башелет была избрана со значительным перевесом голосов. Первый пункт ее программы – новая Конституция. Сочетание ее намерений с общественной мобилизацией могло бы запустить демократический, партиципаторный, институциональный избирательный процесс, который мог бы начаться с референдума о конституции. Новая демократическая конституция и Учредительное собрание могли бы обеспечить связь между политикой и обществом, создавая новые партии и та***к далее.***

МБ: Мануэль Антонио, это поразительно! В одном интервью Вы рассказали о четырех десятилетиях, прошедших с переворота! Я узнал много нового, и я уверен, что наши читатели тоже. Большое спасибо! ■

>Уругвай в авангарде Латинской Америки

Фелипе Аросена, Университет Республики, Монтевидео, Уругвай

Демонстрация в поддержку Закона о легализации марихуаны у Дворца Легислатуры в Монтевидео.

Уругвай, маленькая страна с населением лишь три миллиона человек, удивила весь мир принятием в 2013 году двух законов. Один разрешал заключать однополые браки, другой – легализовал марихуану. Если мы еще добавим закон, легализующий аборты (принятый в 2012 году), мы бы не ошиблись, сказав, что Уругвай «впереди планеты всей», даже впереди западных стран.

Первый пункт нового уругвайского «Закона о брачном равенстве», «гражданский брак является по закону постоянным союзом двух людей одного или противоположного пола». В августе 2013 в соответствии с этим новым законом был заключен первый брак двух мужчин, за которым последовали другие браки между мужчинами, а также между женщинами. Помимо Уругвая есть две другие южно-американские страны с похожим законодательством: соседние страны, Бразилия и Аргентина. Помимо них, только двенадцать стран во всем мире разрешают однополые браки: Швеция, Норвегия, Франция, Испания, Исландия, Бельгия, Люксембург, Голландия, Дания, Португалия, Канада и Южная Африка (большая часть которых находится в Западной Европе). В Мексике, США и Великобритании это право существует только на некоторых территориях. Если мы примем классификацию Хосе Гильерме Меркиора, в соответствии с которой Латинская Америка – это «другой Запад», то оказывается, что к настоящему моменту однополые браки – практически исключительно западное явление, по причине более явственной секуляризации Запада и смежных с ней процессов модернизации и расширения различных прав.

Законопроект «О контроле за оборотом марихуаны» был одобрен в декабре 2013 г. В соответствии с этим законом «государство будет принимать на себя ответственность за контроль и регуляцию импорта, экспорта, выращивания, культивации, пересадки, производства, приобретения, хранения, продажи и распространения конопли и ее производных». Клубы по разведению и выращиванию марихуаны в домашних условиях (до шести растений на домохозяйство) также будут легальны. Ни в одной другой стране мира государство не взяло на себя задачу контроля за производством, распространением,

>>

а также продажей марихуаны. Закон преследует две основные цели. Первая – отстранить потребителей марихуаны от нелегальной торговли наркотиками, а также от виктимизации и насилия, с которым она связана. Вторая – начать совершенно новую, беспрецедентную кампанию по борьбе с торговлей наркотиками. Президент Уругвая Хосе Мухика убежден: если десятилетия попыток подавить торговлю репрессивными методами не решили проблемы, пришло время попробовать новые методы. Если уругвайская «лаборатория» даст положительный результат, другие страны Организации американских государств (ОАГ)), которые рассматривают альтернативы – с большей вероятностью рассмотрят этот вариант как приемлемый.

В 2012 году Уругвай также принял Закон о добровольном прерывании беременности, вторая статья которого утверждает: «Добровольное прерывание беременности не будет наказуемо в течение первых двенадцати недель беременности». В этом плане Уругвай – одна из немногих стран Латинской Америке, признающих право женщин на аборт (наряду с Кубой, Гайаной, Пуэрто-Рико и Мексикой). Желание женщины само по себе считается достаточным основанием для прерывания беременности во всех медицинских учреждениях страны. Парламент одобрил введение этой меры уже пять лет назад, но бывший президент страны, Табаре Васкез, медицинский онколог по профессии, наложил вето на это решение. Среди аргументов за закон два являются главными. Во-первых, право женщин принимать решение о собственной беременности. Во-вторых, необходимость уничтожения сети подпольных клиник, в которых производились нелегальные аборты, ставящие под угрозу жизни женщин, в особенности материально необеспеченных и потому неспособных оплатить более высококачественные и безопасные услуги.

Все три закона были приняты, потому что правящий Широкий Фронт (Frente Amplio) занимает абсолютное большинство мест в нынешнем парламенте. Эта правящая партия (на самом деле коалиция левых и центристских партий и групп) была создана в 1971 году, впервые пришла к власти в 2005 году, а также была переизбрана в 2010-м. В то же время реакция оппозиционных партий на эти законы неоднозначна. В то время как Закон об однополых браках в целом заручился поддержкой большинства законодателей, другие два закона вызвали большее число споров, и практически половина законодателей отвергла их. Такие паттерны в целом совпадают с настроениями во всем обществе.

Эти законы очевидным образом отражают то, что левое правительство уже в течение длительного времени находилось у власти (а именно в течение восьми лети) и обладало законодательным большинством. Именно это обстоятельство позволило принять законы такого плана. Но это лишь поверхностное объяснение. Мы задаемся вопросом на более плотном, социологическом уровне: какие социальные силы уругвайского общества поддерживает такие правовые инновации? Как можно их интерпретировать? Почему это возможно в стране, определяющей себя как культурно консервативную, при том, что население Уругвая – одно из самых пожилых на континенте?

Здесь следует назвать как минимум четыре релевантных фактора. Во-первых, уругвайское общество – одно из наиболее светских на континенте и, наверное, во всеммире. Как писал историк Карлос Реал де Азуа, Уругвай – самая бледная звезда на католическом небе Латинской Америки. Во-вторых, в стране уже был период в начале XX века, когда она принимала законы, считавшиеся довольно авангардными на тот момент: отмена смертной казни (1907 г.), право на развод, инициированный женщинами (1913 г.), Закон о восьмичасовом рабочем дне (1915 г.), избирательные права женщин (1927 г.). Страна так стремительно двигалась вперед в первые десятилетия прошлого века, что многие опасались, что она станет социалистической. В-третьих, даже несмотря на то, что население страны – относительно пожилое – значительная часть общества росла в период культурной, сексуальной и политической революции 1960х. В-четвертых, страна проходит через один из наиболее положительных периодов за несколько десятилетий – в ней сложилась полноценная политическая демократия (в соответствии с международными индикаторами современных демократий), экономика в последние десять лет росла со скоростью около 5 процентов в год, общество стало более эгалитарным и обеспеченным в результате эффективной социальной политики по перераспределению богатства. Уругвай переживает период, сравнимый только с началом двадцатого века, когда считалось, что уровень жизни в этой стране является одним из самых высоких в мире.

Вероятно, что в ближайшем будущем многие западные страны примут меры, схожие с теми, что описаны выше, и, следовательно, мы будем недалеки от истины, сказав, что Уругвай прокладывает дорогу всему миру для более широкого внедрения прав. В то же время, такие законы могут столкнуться со значительными препятствиями во многих странах (учитывая разные культурные традиции, в соответствии с которыми принятые в Уругвае меры – нечто отвратительное). ■

> Насколько публично публичное образование?

Адриана Марреро, Университет Республики, Монтевидео, Уругвай, член ИК МСА «Социология образования» (ИК 04), «Социологическая теория (ИК16), а также «Женщины и общество» (ИК 32), **и Леандро Перейра,** Университет республики, Монтевидео, Уругвай

Протест учителей, окруживших здание парламента Уругвая.

На свете есть одна страна – Уругвай – где 80-90 % студентов обучаются в государственных образовательных учреждениях. Именно в государственных. Частные вузы составляют не более 15 % – процент, который мало менялся за всю историю страны. Государственно образование абсолютно бесплатно, с детского сада до университета, в том числе в магистратуре и аспирантуре. Помимо того, что оно бесплатно, оно еще и крайне доступно по другим параметрам: здесь нет экзаменов и квот при поступлении и потому учиться может любой выпускник школы. Более того, несмотря на традиционную латиноамериканскую религиозность, уругвайское образование является светским с 1917 года – даже в XIX в. религиозное образование являлось факультативным и от него могли отказаться родители. Более того, в Уругвае с начала XX в. женщины обогнали мужчин в плане образовательных достижений. Сегодня они в среднем более образованы, чем мужчины. Женщины представляют почти две трети студенческого состава университетов, и среди выпускников их и того больше. Этот образовательный «рай» - первая страна в мире, запустившая программу Массачусетского института технологии «Один ребенок – один ноутбук», в рамках которой каждый школьник и каждый учитель в каждой школе получает от государства компьютер с доступом в Интернет. Программа CEIBAL, названная в честь цветка ceibo – символа нации, позволяет даже детям из самых бедных семей взять компьютер домой использовать его в учебе и игре.

Можно предположить, что такая образовательная система – государственная, бесплатная и открытая – в стране с низким приростом населения (0.19% в год), в которой только 22% населения – моложе 15 лет, на территории с мягким климатом, без географических и культурных барьеров, может обеспечить всем гражданам доступ к образованию и релевантные результаты обучения. Но это не так.

В соответствии с оценками PISA (Программf международной оценки студентов), «Уругвай продолжает демонстрировать очевидное неравенство социокультурного развития. В то время как 89 % школьников и студентов, живущих в «крайне неблагоприятных» условиях, получают баллы ниже уровня- 2, только 13% студентов, которым доступны «самые благоприятные» условия, попадают в эту же категорию. Разрыв между двумя полюсами крайне широк

>>

и составляет 170 на экзамене по математике, что делает Уругвай страной крайне высокого образовательного неравенства. Этот результат стабильно воспроизводился в течение всех четырех циклов экзаменов PISA, в которых участвовала страна.»

Проще говоря, самые продвинутые дети в среднем получают баллы выше, чем средний балл в Норвегии (489) или США (481), в то время как самые неуспевающие получают намного меньше, чем средний балл в Катаре (376), Индонезии (375) или Перу (368). Более того, 75 % школьников, получивших наивысший балл, посещают частные школы.

Если нашего читателя не могут убедить данные PISA – действительно, существуют вполне обоснованные возражения против таких международных сравнений, мы можем обратиться к данным национальной статистики. В Уругвае сем выше уровень образования, тем ниже процент студентов из необеспеченных семей – в основном из-за высокого уровня отчисления из школы и большого числа «второгодников». В соответствии с официальными данным Опроса домохозяйств Национального института статистики (2012) 95,3% детей в возрасте 6-11 лет посещают начальную школу, 73.8%% детей в возрасте 12-14 – среднюю школу, и только 51.4% подростков 15-17 лет доходят до последних классов средней школы. Наконец, лишь 23.7% молодых людей в возрасте 18 – 24 лет получают высшее образование. Неравенство между квантилями, определяемыми доходом домохозяйств показывают: в самой высокой квантили, 9 из 10 детей трехлетнего возраста посещают школу, в то время как в нижней квинтили – только каждый второй. К двадцати двум годам 57% молодых людей в верхней квинтили учатся в университете, а в нижней – только 9%.

Что же пошло не так? Как случилось, что образовательная система, основанная на принципах инклюзивности и равенства, в реальности привела к такому уровню неравенства?

Нам кажется, что проблема – в названии. Образование в Уругвае называют «государственным», или «публичным». Образование, которое Уругвай называет «публичным», на самом деле имеет довольно мало общего с понятием публики в демократическом плюралистическом обществе. Все формальное образование – с детского сада до университета – управляется двумя автономными организациями – Национальной Администрацией Гособразования (НАГО) и Университетом республики. Обе организации отделены от сферы формальной политики. Хотя Министерство образования являются частью исполнительной власти, оно фактически не оказывает влияния на принятие решений по вопросам образования. Хотя Конституция утверждает, что «Суверенитет принадлежит Нации», что выражается в обязательном голосовании раз в пять лет, воля уругвайского народа в отношении образовательной политики не находит отклика ни в двухпалатном парламенте, ни через исполнительную власть, в рамках которой руки у Министерства образования связаны.

В то же время в учреждениях, управляющих образованием – которых Конституция наделяет огромной независимостью – все захвачено корпоративными интересами. НАГО, ответственная за обязательное образование и подготовку преподавателей, управляется механизмами, которые в совокупности вносят вклад в снижение качества преподавания. С одной стороны, подготовка учителей все еще проходит по модели традиционной школы, без какого-либо воздействия со стороны науки и исследований. С другой стороны, продвижение по карьерной лестнице проходит в соответствии с принципом старшинства без какой-либо оценки качества работы преподавателя. Прием преподавателей на работу остается прерогативой Администрации, которая на корню отвергает идею оценки работы преподавателей университетами.

В среднем образовании – представляющем собой настоящую проблему образовательной системы – более трети уроков пропускаются из-за отсутствия преподавателей, а 40 процентов школьников остаются на второй год. В начальном образовании, где дела обстоят несколько лучше, все же достаточно высоко количество второгодников. В 2013 году борьба учителей за более высокую зарплату (которая и так резко выросла благодаря приходу к власти левых в 2005 году и теперь вдвое выше зарплаты университетского профессора) – оставила детей из самых малообеспеченных семей без занятий на целый месяц. Здесь мы даже не принимаем во внимание другие виды забастовок, связанные с попытками остановить реформы после падения диктатуры, в том числе те, которые инициировали левые правительства. Частные школы, менее расслабленно относящиеся к нехватке учителей (хотя они и платят им меньше, чем государственные), не страдают от проблем корпоративного управления. С этой точки зрения в уругвайском государственном образовании достаточно мало «общественного».

Профсоюзы учителей внесли свою лепту в то, что мы смело можем назвать «рефеодализацией» образования. Они опираются на приверженность уругвайцев к «публике» как сфере, являющейся медиатором между обществом и государственной властью и о существенной роли публичного образования в формировании уругвайской идентичности, а также на общественное недоверие к рыночным механизмам. С воинственными криками, размахивая флагом «публичное образование», они требовали бескомпромиссного закрепления за собой права защиты своих корпоративных интересов, выражаемых в привилегиях, способствующих безответственному отношению к образовательному неравенству. Требуя права принимать бескомпромиссные решения об образовании, профсоюзы лишают всех остальных граждан права критиковать, обсуждать и делать предложения в этой области. Таким образом, Уругвай может хвастаться своим публичным (государственным) образованием, но оно вовсе не так публично, как могло бы показаться.■

[2] В качестве примера: важно помнить, что в 1993 году в самом разгаре процесса приватизации, изменившего весь мир, 72% граждан Уругвая голосовали за отзыв Закона о приватизации государственных компаний.

>Уругвайское чудо:

перераспределение и рост профсоюзов

Маркос Супервьелье, Университет Республики, Монтевидео, Уругвай, член правления ИК МСА по Труду (ИК 30)**; Мариэла Кинонес**, Университет Республики, Монтевидео, Уругвай

“Борьба с неравенством была бы невозможна без сильной политической воли”

Второе левое правительство Уругвая, избранное в 2009 году, расширило политику, защищающую рабочий класс, создав Советы по оплате труда и трехстороннюю систему для принятия решений о минимальной зарплате всех категорий занятости во всех секторах экономики. Такие действия сыграли стратегическую роль в стимулировании прогрессирующего перераспределения доходов. В последние годы рост реальной оплаты труда составлял 4 процента в год, а МРОТ (мин. размер оплаты труда) увеличился на 250 процентов. Перед избранием левых в 2004 году средняя зарплата составляла 6,5 МРОТ. Вопреки общепринятой точке зрения, что политика перераспределения снижает уровень занятости, безработица упала с 13,7% (до вступления правительства в должность) до 6,1% в среднем в течение второго срока. Более того, рабочие места, доступные в этот период, предполагали достойную работу. Неформальный труд был сведен к минимуму, что привело к повышению числа социально застрахованных граждан и получателей всех легальных трудовых бенефитов. Процент рабочих мест, предлагающих полный рабочий день и соцпакет – то есть качественных рабочих мест – вырос с 55% в 2004 году до 69% в 2011. За этот период также упала безработица среди молодежи, снизились волнения среди рабочих. Конечно же, эти показатели все еще колеблются в зависимости от циклов трудовых отношений. Недовольство работников государственных и муниципальных учреждений зависит от результатов голосования по госбюджету, настроения работников частных предприятий – от условий коллективных договоров. В целом же, можно заметить, что в среднем и за долгий период трудовые конфликты стали более редким явлением.

Все это стало возможным из-за крайне благоприятной экономической ситуации, сложившейся в стране, несмотря на кризис, пережива-

>>

емый более развитыми странами. Именно это стало необходимым условием для улучшения социального перераспределения, однако самой по себе ее не было бы достаточно. Сокращение неравенства в обществе не было бы возможным без сильной политической воли, особенно в том, что касается политики, повлекшей за собой столь значительные последствия: снизившие уровень бедность с 40% до 12% , а нищеты – с 4,5% до 0,5%.

Как мы уже отмечали, социальный механизм, сыгравший главную роль в этом процессе, был активирован благодаря Советам по оплате труда. Эти советы, которые существовали в Уругвае и ранее, были «переизобретены» первым левым правительством, и укрепились как политический институт в течение второго срока. Огромный рост тред-юнионизма способствовал тому, что эти меры действительно привели к значительным изменениям в ситуации. По сравнению с 2005 годом число участников профсоюзных организаций выросло на 300% ,и достигло на настоящий момент 350 000 членов. Центральный профсоюз прогнозирует, что к концу 2013 года эта цифра достигнет 380 тысяч, то есть 12 процентов населения всей страны и 24 процента занятых. Это гигантский рост не только в плане членства, но и в плане создания новых профсоюзов в тех секторах, где их до сих пор не было, например, в сфере домашнего труда или в сельском хозяйстве

Рост профсоюзной активности приводит к нескольким последствиям. С одной стороны, он способствует активному распространению классических тред-юнионистских идеологий. Уругвайские профсоюзы традиционно оставались независимыми как от государства, так и от политических партий – как минимум в органическом смысле – в том числе и от левых партий. Влияние последних производилось через левые настроения лидеров профсоюзных организаций, которые могли оказаться на своих местах только будучи демократически избранными рядовыми членами профсоюза. Другая традиция уругвайского тред-юнионизма состоит в том, что у каждой компании или отрасли промышленности есть свой профсоюз, что превращает профсоюзы в политические микросистемы, занятые местными проблемами, которые могут стать яблоком раздора на более широкой политической арене. В результате главный уругвайский профсоюз (PIT-CNT) – всегда включал в себя сторонников разнообразных течений тред-юнионистской мысли (хотя все они принадлежат к левой части политспектра)

Парадоксальным образом демократические традиции отрицательно влияют на политическую сплоченность профсоюзов, поскольку новые лидеры, поднимающиеся из низов, необязательно соглашаются с исторической приверженностью к левым идеям. На идеологическом уровне в некоторых отраслях промышленности произошла радикализация профсоюзов, и получили развитие сильные антиправительственные настроения. В других отраслях стала преобладать корпоративная риторика, порывающая с традициями, интегрировавшими профсоюзные лишения в широкую политическую стратегию по модернизации страны и улучшению положения низших слоев общества. Эти новые профсоюзные тенденции, которые в ряде ситуаций оказались крайне агрессивными, кажется, изменяют весь профиль тред-юнионизма, создавая альтернативы старым паттернам и завязывая новые отношения с будущими правительствами. На практике развился – и даже стал доминировать в некоторых отраслях – новый корпоративный механизм недовольства, исключительно ориентированный на повышение оплаты труда без привязки к более широкому мировоззрению, которое ранее было характерно для профсоюзов. Возможно, мы также являемся свидетелями того, как работают новые левые, оставаясь в рамках традиционных профсоюзов или создавая новые структуры, ориентированные на новое видения общества в перспективе мира работы. ■

>Уругвай: аграрная революция

Диего Пинейро, Университет Республики, Монтевидео, Уругвай

От традиционных ранчо к современному транснациональному сельскому хозяйству
Фотограф: Эмилио Фернандес.

В 2002 году Уругвай был поражен глубоким экономическим и социальным кризисом, разразившимся после двадцати лет неолиберальных реформ под руководством традиционных партий. В 2005 году левый Широкий фронт (Frente Amplio) одержал победу на выборах и начал утомительную работу по перестройке всего общества. В последующие годы показатели роста экономики Уругвая были самыми выскоими на континенте, а политика перераспределения смогла достичь беспрецедентного снижения уровня бедности. Многие достижения можно объяснить стремительным ростом аграрного сектора, прошедшего в те годы через глубокую структурную трансформацию.

В течение XX в. структура аграрного общества в Уругвае мало менялась. На вершине находились владельцы относительно большого количества скота, а также сельскохозяйственные предприятия, занятые производством товаров на экспорт. По причине раннего формирования капиталистического сельского хозяйства наемные работники составляли большой процент сельской рабочей силы, но, в тоже время, здесь было и большое количество семейных производителей (скорее фермеров, чем крестьян) европейского происхождения, производивших пищевые товары для внутреннего рынка. В начале нового века значительная часть этой социальной структуры подверглась революционным изменениям в рамках процесса, который я опишу ниже.

С конца прошлого века вырос мировой спрос на продукты питания, волокна и сырье для производства биотоплива. Включение большого населения в растущих экономиках в качестве новых потребителей повысило цены на эти продукты. Как производитель вышеназванной продукции, пользующейся высоким спросом, Уругвай испытал на себе интенсивный рост землепользования. Одновременно с повышением продуктивности скота повысилась эксплуатация земель для выращивания зерна и семян масличных культур. Несмотря на потерю двух миллионов гектаров земли в целом это привело к повышению уровня производства и экспорта продукции. К этим формам производства, которые можно воспринимать как более традиционные, мы должны добавить лесопользование. Благодаря государственным субсидиям, которые начали выделяться в 1987 году, сейчас в стране – более миллионов гектаров леса, которые перерабатываются двумя предприятиями, построенными и управляемыми мультинациональными компаниями. Другой момент, влияющий на относительный баланс разных форм производства – появление биотоплива; в этой сфере лидирует государственная нефтяная компания.

Цены на землю являются четким индикатором изменений, происходящих в сельскохозяйственном мире. В течение последнего десятилетия средняя цена на землю повысилась в семь раз. Но в отношении больших ферм – более 2 500 гектаров – цена выросла в двенадцать раз, что заставило как крупных, так и малых производителей продавать земли. В результате произошла концентрация и значительный переход земель в руки

>>

Сегодня биотопливо, а завтра голод? Художник: Арбу.

зарубежных собственников. Предварительные данные последней сельскохозяйственной переписи 2011 года показывают, что если в 2000 году в стране было 57131 с/х участков, через 11 лет осталось только 44890. Хотя 91 % 12 241 исчезнувших участков занимали менее ста гектаров, есть индикаторы, указывающие на то, что участки продали не только мелкие земельные собственники и арендаторы (как произошло в 70е-80е), но и местные владельцы скота

Консолидация нового класса землевладельцев имела неоспоримые культурные последствия, не в последней степени связанные с ростом числа зарубежных владельцев. Предварительные данные переписи 2011 года показывают, что если в 2000 году 90% земель Уругвая принадлежало собственникам, проживавшим на территории страны, то через 11 лет эта цифра составляла лишь 54%. К 2011 году 43% уругвайской земли находилась в руках юридических лиц, в основном «Анонимных обществ», большая часть которых – граждане и корпорации других государств.

Таким образом, мы проделали путь от ландшафта, на котором преобладали скотоводческие хозяйства, до ландшафта с большими пространствами, отведенными под выращивание зерна, леса, предназначенными для производства биотоплива. Доминируют крупные корпорации. Используется тяжелая техника. Земля переходит в руки иностранных владельцев, а сельское население постепенно переселяется в города. Теперь мир сельского хозяйства Уругвая выглядит далеко не так, как он выглядел во второй половине двадцатого века.

Разительные перемены ландшафта и сельского хозяйства могут быть объяснены несколькими взаимосвязанными процессами. Во-первых, изменения в законодательстве способствовали инвестициям капитала в большое число сельскохозяйственных предприятий. Во-вторых, организационные изменения в фирмах, в особенности построение «сетевых предприятий», обеспечило капитал ресурсами труда с удивительной контрактной гибкостью. В-третьих, происходит рост аутсорсинга сельскохозяйственной работы при помощи контрактников, пользующихся своими социальными сетями для привлечения работников и управления ими. В-четвертых, технологические изменения повышают зависимость производителей от генетически модифицированного зерна, химикатов и новой аппаратуры. Что касается скотоводства, то здесь речь идет о вакцинах, новых продуктах для поддержания здоровья скота, загонов для откорма скота и так далее.

В то же время появление новой информации, развитие коммуникативных технологий (компьютеров, Интернета, мобильных телефонов и т.д.) глубоко изменило систему управления сельскохозяйственными компаниями. Эти технологии, вместе с инфраструктурными улучшениями, расширением использования легких машин, изменили организацию рабочей силы, связав работников друг с другом и с городами, сместив культурные границы между «селом» и «городом». Эта реконфигурация структуры сельского хозяйства и сельского населения способствует формированию новых акторов и новых альянсов, которые необходимо изучать, особенно в стране с длительной традицией ведения сельского хозяйства, стремящейся к демократии, справедливости и устойчивому развитию.■

>Подъем мафиозного общества в Венгрии

Дьердь Чепели, Университет им. Етвош Лоранда, Будапешт, Венгрия

На обложке популярного издания* Heti Világgazdaság *(Еженедельник меровой экономики), правящая партия (Fidesz) представлена как мафиозная группировка.

Более двадцати лет прошло после annus mirabili 1989 года, когда государственный социализм вдруг прекратил свое существование и уступил путь новой системе, основанной на либеральных принципах. Именно тогда начался переход к рыночной экономике и демократии. Как Майкл Буравой и Кэтрин Вердери написали во введении к книге «Неопределенный переход», те, кто наблюдал за этим процессом, разделились в своих интерпретациях, застряв между гранд-нарративами «конца истории» и «новой, доселе неизвестной орбиты постмодерна». Реальность же оказалась разительно иной.

За исключением нескольких радикальных интеллектуалов и хорошо информированных высокопоставленных представителей коммунистической номенклатуры, ни один из акторов процесса на самом деле ожидал, что произойдет переход к новому порядку. Простые люди в действительности были против изменений и вскоре осознали, что новшества системы, а именно предпринимательство и безработица, не особо приятны.

Среди всех стран, живущих при государственном социализме, Венгрия была известна тем, что там допускалось существование определенного типа предпринимательства в сельском хозяйстве. Как утверждается в монографии Ивана Селеньи «Социалистические предприниматели», во времена госсоциализма в Венгрии около 10 процентов населения были вовлечены в деятельность, подобную предпринимательству. Однако, предпринимательство в смысле, принятом в системе западного капитализма, не только не разрешалось, но и считалось преступлением. Теория «прерванного обуржуазивания», разработанная автором, оказалась неверной. Предприниматели социалистического общества, вскоре осознали, что в новой системе предпринимательство слишком рискованно. Большая часть не справилась. Успех зависел от вовлеченности в «правильные» сети, а не от

>>

таланта и способности к достижениям. Многие пост-социалистические предприниматели в прошлом были не предпринимателями, а представителями высокопоставленной номенклатуры.

Многие представители рабочего класса, а также среднего и низшего звена профессионалов столкнулись с высокой вероятностью безработицы. Полтора миллиона бывших работников обанкротившейся государственной экономики моментально лишились работы в результате перехода от «экономики нехватки» к «экономике избытка». Разница в доходах и потреблении между самыми обеспеченными и наименее обеспеченными семьями стала наиболее выраженной, в особенности в последние годы. Маргинализованные группы, в том числе рома (цыгане), пожилые люди, живущие в отдаленных сельскохозяйственных районах, а также бездомные потеряли все надежды на то, чтобы как-то «догнать» остальное общество. Этническое и территориальное неравенства пересеклись, в результате чего на севере страны возникли гетто-подобные поселения. Дискриминация и культура нищеты превращают жизни венгерских цыган - рома - в жизнь отверженных.

В дополнение к материальной незащищенности, в стране царит ощущение эпистемологической защищенности, возникшей с открытием пространства для конкурирующих идеологий. Известный продавец зелени, персонаж книги Вацлава Гавела, показал, что «жить по лжи – это жить по лжи». Неважно, была у них власть, или они были безвластны, те, кто верил в социализм, и те, кто был в оппозиции, были убеждены, что правда и неправда четко определены, что это категории с жесткими границами. С переходом от партийного государства к политическому плюрализму граница между правдой и ложью стерлась. А ведь эта граница казалась такой четкой и вечной до транзита! Не привыкшие выбирать между конкурирующими правдами и ложью люди потеряли ориентацию. Свобода мысли обернулась кошмаром для тех, кто боялся мыслить.

Эти два типа незащищенности и неопределенности привели к демократическому восстанию против либерализма. С оглушительной победой Националистической Коалиции в 2010 году либерализм поглотил своих же детей. В 25-ю годовщину транзита вполне вероятно, что Венгрия вернется к государственному социализму – с той лишь разницей, что это будет национал-социализм.

По мнению Балинта Мадьяра венгерское общество в наши дни может быть охарактеризовано как «мафиозное государство», власть в котором делят между собой закрытые клики - круги, образованные близкими социальными связями, но фактически не связанные друг с другом. Или, выражаясь социологическим языком вслед за Марком Грановеттером, преобладаение сильных связей поспособствовало возникновению мафиозного государства, что, в свою очередь, помешало развитию социальной организации, основанной на слабых связях. В результате, отсутствие организаций гражданского общества, основанных на слабых связях, ограничило национальную конкурентоспособность и рост экономики.

Чтобы обеспечить себе легитимность, лидеры «мафиозного государства» всегда обращаются к националистической идеологии. Люди вне мафии, контролирующие механизмы перераспределения благ и услуг, получают долю от перераспределения в качестве символических благ – то есть постоянно повторяемого утверждения националистической идеологии о том, что венгры рождены как борцы за свободу, побеждают внутренних и внешних врагов, объединенных заговором. Внутренний враг не требует определения, так как он давным-давно известен: это евреи. Внешний враг же постоянно меняется – в этой роли побывали и турки, и Габсбурги, и СССР. Новый внешний враг теперь заседает в Брюсселе. Евросоюз теперь привлекает наибольший объем ненависти со стороны венгерских националистов. Парадоксальным образом (а быть может, не таким уж и парадоксальным), авторы анти-европейской риторики притворяются, что им неизвестно о средствах, поступающих в страну из разнообразных источников Евросоюза.

Мафиозное государство породило три социальных кластера. Первый кластер составляют закрытые круги семей правящих политиков. Второй кластер состоит из тех, кто верит националистической риторике правительства и готов слушать ее. Они готовы участвовать в Системе национальной кооперации, потому что к этому призывает правящая партия. В основании этого энтузиазма лежит страстный антикоммунизм, желание привлечь новичков, опыт несправедливости при социализме, а также банальный карьеризм. Третий венгерский кластер состоит из новых эмигрантов, чье количество значительно возросло в последние несколько лет. Как показывает исследование Агнес Харс, сравнительно более образованные, молодые люди, живущие в Западной Трансданубии (по соседству с Австрией), а также старое индустриальное сердце северной Венгрии, являются основой данной эмиграции.

Для тех, кто остается в Венгрии, нет другого выхода из этой ситуации кроме как через восстановление чувства социального доверия, то есть способности развивать кооперацию между членами общества, которые незнакомы друг с другом. Задача должна заключаться в том, чтобы вырваться из плена сильных связей и создать множество новых сообществ на основании слабых связей. ■

>Судьба класса в современной Венгрии

Эстер Барта, Университет им. Етвош Лоранда, Будапешт, Венгрия

Заброшенные индустриальные руины – там, где вчера трудились тысячи рабочих, сегодня бродят бездомные псы. Фотограф: Балаш Гарди.

Первый вопрос, который приходит в голову – имеет ли концепция класса какую-либо релевантность в постиндустриальном обществе, и каким образом академические дискуссии могли бы обогатиться, если бы вновь обратились к концепции класса. Карьера этого понятия в Восточной Европе была тесно связана с развитием государственного социализма, провозгласившего, что рабочий класс является правящим.

Окончательная и скоропостижная кончина коммунистических режимов в регионе в 1989 году дискредитировала легимитизирующие нарративы официальной истории рабочего класса. События этого года разбили представления о знаке равенства между классовой позицией и классовым сознанием, характерные для основных направлений марксистской мысли. Хотя в 1989 году некоторые восточно-европейские интеллектуалы все еще настаивали на том, что возможен демократический социализм, основанный на контроле , осуществляемом рабочими, другие группы, в том числе многие реформисты, призывали к поиску «третьего пути» между социализмом и капитализмом, некоторые – к созданию социальной демократии, основанной на смешанной экономике и сильных профсоюзах. Также многие ожидали, что рабочий класс не поддержит восстановление капитализма или даже реформистскую коллективистскую альтернативу. Эти ожидания не подтвердились, сопротивление рабочего класса введению капиталистической экономики было незначительным и неэффективным. Действительно, ни в одной стране Восточной Европы рабочие не поддержали какой-либо демократическо-социалистической альтернативы существующей системе. Более того, политический и интеллектуальный климат региона после смены режима никоим образом не способствовал возвращению концепции класса. Все формы классовой теории рассматривались как полностью дискредитировавшие себя, и рабочий класс часто некритически ассоциировался с прошлым (то есть с государственным социализмом), в то время как интеллектуальные элиты инвестировали в будущее, основанное на «обуржузиазивании» и отказе от признания значимой социально-политической роли рабочего класса.

Почему же тогда важно переосмыслить концепцию

>>

класса в Восточной Европе? Проект «обуржуазивания» обещал людям, что вскоре регион по уровню жизни догонит средний класс западных стран развитого капитализма и при этом сохранится социальное обеспечение, характерное для социализма. Через двадцать лет после развала государственного социализма массы отчетливо увидели неудачу этого проекта. Приватизация повысила социальное недоверие, так как постсоциалистический капитализм повсюду повлек за собой большее социальное и материальное неравенство, чем при социализме. Резкое сокращение промышленного производства привело к повышению уровня безработицы, а иностранный капитал вовлек домашние предприятия, остро нуждавшиеся в инфраструктурных и денежных инвестициях, в нечестную конкурентную борьбу. Западные авторы также подвергли критике неолиберальный капитализм как новый «колониальный» проект для Восточной Европы.

На вопрос о том, какие новые структурные позиции постсоциалистический капитализм создал в Венгрии, мы можем ответить следующее: в соответствии с западными трендами он сократил промышленный сектор, значительно расширив сектор услуг. Более того, аутсорсинг усилил структурное неравенство между Востоком и Западом Европы, что объясняет относительно низкую долю капиталистов и относительно высокую – низко квалифицированных рабочих – в Венгрии по сравнению с Западной Европой. Салай (Szalai) утверждает, что структура современного венгерского общества описывается дуальной моделью, которая разделяет занятых в транснациональных компаниях и занятых в домашнем секторе экономики. Последние – низкооплачиваемы, они подвержены жесткой эксплуатации, это некие «бриколеры», часто вовлеченные в неформальную занятость и живущие от зарплаты до зарплаты, в то время как первые составляют часть новой рабочей аристократии. В то же время Салай отмечает разношерстный характер рабочего класса Венгрии, недостаточно развитое (или даже отсутствующее) классовое сознание и слабость местных профсоюзов. Все эти факторы мешают развитию венгерского рабочего «класса-для-себя» и, конечно же, репрезентации интересов трудящихся.

Однако, описанные выше новые формы неравенства не были институциализированы (а тем более санкционированы) венгерским обществом. «Эта рыночная экономика выбросила нас на обочину», думают рабочие, и эта мысль часто проговаривается в интервью с ними. Рабочие разочаровались в «этом капитализме». Их навыки и знания были обесценены новым режимом, и они поняли, что, несмотря на то, что при Кадаре не существовало социального равенства, социально-материальное неравенство значительно возросло после 1989 года. Многие мои респонденты жаловались, что их дети не могут конкурировать с детьми менеджеров, врачей, юристов, начинающих взрослую жизнь с намного большим набором возможностей (благодаря частным курсам иностранного языка, спортивным кружкам, школам танца и т.д.)

Однако, эта критика нового режима не смогла перерасти в полноценную антикапиталистическую критику. Типичным образом рабочие все еще ожидали, что государство защитит отечественного производителя от нечестной конкуренции с мультинациональными компаниями. Они рассматривали сильное государство и некую форму капиталистического «Третьего пути» как положительную альтернативу. Эта реакция может объясняться тем, что в стране отсутствует значимая антикапиталистическая публичная сфера, тем, что термин «рабочий класс» в значительной мере дискредитирован, а также другими историко-экономическими факторами, заморозившими регион в его отсталом состоянии.

Следует все же заметить, что подобные «венгерские» тенденции наблюдаются и в продвинутых западных странах, например, в США. Политическая коррупция, углубления классового расслоения, разрастание низшего слоя общества, ослабление профсоюзов – все это происходит и там. Быть может, постсоциалистические страны просто держат зеркало для Запада, указывая на мировую конвергенцию социальных и экономических проблем наряду с политическими последствиями пренебрежения концепцией класса, усиливающего этно-популистскую идеологию среди рабочих? Стало распространенным утверждение, что в постиндустриальном обществе с его корпоративной культурой талант, достижение, прилежность – факторы, определяющие, кто же взберется по карьерной лестнице. Таким образом, «равные условия конкуренции» создают социально приемлемые профессиональные и материальные иерархии. Этот аргумент воспроизводился в прошлом и в идеологии постсоциалистического капитализма, принесшей так же много разочарований, как и предшествующий ей марксизм-ленинизм. Отметим, что, во-первых, конкуренция проводится вовсе не на равных условиях. Во-вторых, огромное социальное и материальное неравенство, порождаемое жестким капиталистическим соревнованием, более не кажется людям приемлемым. Действительно, многие даже смирились бы с автократией в обмен на большее социальное равенство. Тут уж, мы надеемся, именно Запад предоставит Востоку зеркало, а не наоборот.

В Венгрии идея демократического социализма без Венгерской Социалистической Рабочей Партии (бывшей компартии) была представлена Левым Альтернативным Союзом (Baloldali Alternatíva Egyesület).. После политического провала этого проекта интеллектуальное наследие школы было продолжено в журнале «Сознание» (Eszmélet), запущенном в 1989 году. Наиболее известный на международном уровне представитель этого круга – Тамаш Краус. ■

Литература

Swain, N. (2011) “A Postsocialist Capitalism,” Europe-Asia Studies, 63:9, pp.1671-1695.

Szalai, E. (2004) “Tulajdonviszonyok, társadalomszerkezet és munkásság,” Kritika, 33:9, pp.2-6.

Bartha, E. (2012) “‘Something went wrong with this capitalism’: Illusion and doubt in a Hungarian (post)industrial community,” in: Mathijs Pelkmans (ed.) Ethnographies of Doubt. London: I.B. Tauris, pp.191-225.

> О (без) ответственности элит

Дьердь Лендьель, Университет Корвинус, Будапешт, Венгрия

Венгерский премьер любит спорт...

Премьер-министр Венгрии обожает спорт, особенно футбол. Частенько он заканчивает свои речи лозунгом «Венгрия, вперед!», позаимствованным у Берлускони. Венгерский футбол переживает не лучшие времена. Как, впрочем, и венгерская элита, кажущаяся довольно хлипкой. В месте, любимом премьер министром с самого детства, рядом с его провинциальным домом, возводится стадион, до которого можно будет добраться по новой узкоколейной железной дороге. Многим это не нравится, но некоторые совсем не против. Они повторяют: «Давайте гордиться тем, что мы накопили». Примерно таким же образом заместитель премьер-министра, будучи еще политиком провинциального уровня, повторял: «Если у тебя ничего нет, то ты ничего и не стоишь».

Эта ментальность присутствовала уже в Венгрии позднего социалистического периода. Начиная с 1970х годов после десятилетий послевоенной нехватки, принудительной коллективизации и обязательств по поставкам, период консолидации открыл возможность дополнительных заработков при помощи симбиоза квази-рыночных кооперативов и частных зе-

>>

мельных участков, перераспределения и второй теневой экономики. В результате венгерские деревни стали застраиваться многоэтажными домами. Оказалось, что многие из них совсем не просто отапливать и в них не очень удобно жить, но они прекрасно выполняли роль престижных товаров. Престижные товары современной элиты – это стадионы. Ими не нужно непосредственно владеть – достаточно того, что они ассоциируются с именем определенного человека, как пирамиды, триумфальные арки или культурные заведения в других странах.

Однако главная проблема политической элиты Венгрии совсем не в том, что она тщеславна, скупа и безвкусна. Боюсь, на кону то главное, за что несет ответственность венгерская элита – а именно консолидация венгерской демократии. Не нужно быть элитистом для того, чтобы понимать, какую роль играют элиты в определении социальных альтернатив. А политическая элита, существующая здесь и сейчас, всего лишь симулирует адаптацию к демократическим институтам, в действительности нарушая множество норм, касающихся важных вопросов.

Кратко можно упомянуть два таких нарушения. Во-первых, это отказ от соглашения элит. Акселерация смены элит, перед «великими переменами» внесла свою лепту в процесс политической трансформации, произошедший достаточно скоропостижно и без мощных социальных шоков. Это в свою очередь подготовило почву для заключения соглашения между государственной социалистической элитой и элитами набирающей вес и влияние демократической оппозиции. Круглые столы 1989 года представляли собой механизм примирения элит, при помощи которых они, казалось, начали развивать совместный проект. Был достигнут широкий консенсус по поводу установления правил парламентской демократии, характеризующихся свободами, многопартийностью и уважением прав частной собственности. Акторы признали взаимную легитимность и общие правила игры. То, что фракции политической элиты, следуя своим партийным интересам, время от времени переписывали правила игры и отказывали соперникам в легитимности, считалось помехой, но совсем незначительной для демократического процесса и зачастую попросту игнорировалось или замалчивалось.

Другой серьезный пример нарушения демократических норм относится к вопросу сбора средств во время предвыборной кампании. Деньги, собранные кандидатами во много раз превышали объемы, разрешаемые законом. Спонсирование партий, в особенности в периоды, предшествующие выборам, - темная, серая зона между соблюдением и нарушением закона, которая может определить будущее венгерской политической элиты. Как посчитали в Transparency International, во время предыдущих выборов обе лидирующие партии – Fidesz (находящаяся у власти сейчас) и оппозиция (социалисты) – потратили как минимум втрое больше, чем разрешено законом. Другие специалисты утверждают, что было израсходовано еще больше средств. Было разработано несколько законопроектов о внесении изменений в законодательство, регулирующее финансирование предвыборной кампании, с целью повышения прозрачности процесса, однако ни один из них не был принят. Это не частный и характерный исключительно для Венгрии феномен, но именно здесь и сейчас под вопросом устойчивость демократии. Очевидно, что правящая элита заинтересована в сохранении серой зоны партийного финансирования. Элита в курсе положения дел, но не считает его нетерпимым. Скажем точнее: элита видит происходящее, но интерпретирует его в идеологическом ключе.

Бывший премьер-министр от социалистов, основавший теперь новую партию, намекнул на абсурдность прежних практик финансирования двух крупнейших конкурирующих партий, но заявил, что будет ждать официальных обвинений и только потом представит известную ему информацию на суде. Не совсем понятно, что же останавливает его от освещения этих злоупотреблений до суда. Нынешний премьер-министр упоминал, что представители бесчестного сегмента большого бизнеса вмешиваются в политику, в первую очередь через партию его соперников, социалистов. Член бывшей демократической оппозиции и бывший министр заявляет, то нынешняя правящая элита построила мафиозное государство, так как правительство может манипулировать экономикой и перераспределять прибыль своим клиентам при помощи законов и постановлений.

Политический режим в Венгрии нельзя назвать ни анархией, ни диктатурой. Однако страна может прийти и к тому, и к другому режиму, и скорее всего – ко второму. Консерваторы, занимающее две трети мест в парламенте (на самом деле представляющие собой меньшинство лиц с правом голоса), приняли новую конституцию, новый закон о СМИ, новый закон о выборах, трудовой кодекс, и достигли всего этого без того, чтобы заручиться широкой поддержкой со стороны общества. Они в значительной степени ограничили ранее полученные права, поставили препятствия на пути судебного контроля, подвергли угрозе разделение властей. Влияние ЕС оказалось очень ограниченным, голос критически настроенных интеллектуалов – еле слышным. Премьер министр управляет страной в авторитарном стиле, а народ напуган нестабильностью, вызванной долгосрочным кризисом, и требует социальной заботы и равенства.

Это вдохновляет популистскую риторику, репрезентируемую как

>>

борьбу за «экономическую свободу» и демонстрирующую крайнее высокомерие по отношению к международным политическим партнерам. Эта риторика используется в качестве предлога для введения особых налогов, например, налога, взимаемого с банков или других экономических единиц, в основном принадлежащих иностранцам. Возможно, это не голословная риторика: вероятно, правящая элита действительно полагает, что существует необходимость борьбы с внешними политическими и экономическими барьерами для того, чтобы избежать «колонизации» Венгрии. Быть может, они верят и в то, что существует крайняя необходимость в сокращении внешнего долга страны, достигающего 80 процентов ВВП, так как «тот, кто в долгу, больше не свободен». Социологам, однако, отлично известна социальная техника, которая усиливает единства через создание фантома внешних врагов и чужаков. Побочный продукт такой политики - успех ксенофобской расистской партии, которая сумела получить места в венгерском парламенте во в результате предыдущих выборов.

Более двух третей взрослого венгерского населения не говорит ни на одном иностранном языке. Государственные СМИ представляют критику режима со стороны иностранцев как нападки на всю нацию. Большая часть независимых СМИ – желтая пресса, представляющая мир как борьбу между добрыми и злыми героями. В настоящее время венгерская политическая элита заслуживает такого критического описания, ведь она поразительно разобщена. Однако, ошибочно полагать, что консенсусная модель, казавшаяся возможной в 1989 году, просто была заменена соревновательной мажоритарной моделью.

Премьер-министр не скрывает своего намерения преодолеть эту разобщенность через создание «центрального поля сил», или, иными словами, укрепив свою властную позицию на несколько электоральных сроков. Это – утверждает он – является обязательным условием выполнения элитами своих культурных обязательств, а именно, примером того, как жить правильно – со вкусом, благородно и честно. Последнее – буквальная аллюзия на слова бывшего политического теоретика Иштвана Бибо, особо подчеркивавшего социальную ответственность элит. До настоящего времени, примеры поведения представителей элиты не демонстрируют многообещающих перспектив. Критики отмечают смесь банального эгоизма и манипулятивных махинаций в действиях элиты. Ее представители сдают государственные земли в аренду, распространяют табачных концессий среди своей клиентуры. Юный Дьордь Лукач в полемике с Бибо, страстно возражал одному из героев Достоевского утверждавшему, что ложь ведет к правде, однако впоследствии пришел к выводу, что такое развитие событий также приемлемо. В нашей же ситуации, как мне кажется, подобный рецепт не работает.
Весной 2014 года в Венгрии пройдут выборы. Вне сомнения, это будут свободные выборы. Однако сомнения вызывает честность этих выборов, а также способность правящей элиты воздержаться от злоупотребления властью для манипулирования СМИ и избирателями.

Премьер-министр любит цитировать кого угодно, кроме известных политических теоретиков. В одном из своих ежегодных обращений он процитировал известного хоккеиста, сказав, что «катиться на коньках нужно туда, где шайба будет, а не туда, где она была». Это достойная метафора, ведь премьер-министр понял, что работа государственного деятеля состоит в изучении реальных потребностей масс и взвешивании требований и возможностей будущего, а не только настоящего. Однако премьер-министр не сумел выбрать правильный стиль для своей мужской игры: он делает вид, что четко видит цель и движется к ней по единственному правильному пути, но умудряется между делом настолько изрезать лед катка и так тщательно переписать правила игры, что когда команды вернутся на лед, они рискуют попасть уже в совсем другую игру.

Не слишком утешает и то, что пока есть свободные выборы, все еще есть шанс на сближение элит, на то, что противоборствующие стороны оставят свои позиции ради компромисса – главного условия консолидированной демократии. Этот процесс может занять много лет, и до сих пор неясно, что же подтолкнет элиты к заветной цели.■

Южная Африка: женщины-шахтеры и «подземное я»

Асанда Бенья, Университет Витватерсранда, Йоханнесбург, ЮАР

Асанда с отбойным молотком: короткая передышка.

В крупной и высокомеханизированной добывающей промышленности Южной Африки занято более 48 000 женщин, работающих под землей, в основном на платиновых и золотых приисках. Эти женщины представляют собой часть ключевой трудовой силы и работают шахтерами или разнорабочими, устанавливая водопровод и вентиляционные трубы, а также управляя различной техникой под землей.

В течение трех месяцев в 2008 году я проводила этнографическое полевое исследование на платиновом прииске в Южной Африке. Я жила и работала вместе с женщинами-шахтерами. Моей главной целью было понять, с какими трудностями сталкиваются женщины под землей. Затем в 2011 - 2012 гг., я погрузилась в «подземный мир», начав работу в качестве оператора лебедки, очищая куски породы и поднимая их на землю, а также подготавливая стены рудника к бурению.

Мой рабочий день начинался в 4 утра. Мне приходилось уходить из общежития в 3 часа утра, чтобы во время

>>

Асанда в забое.

придти на шахту. Женщины, живущие дальше от шахт, обычно выходят из дома в 2 часа ночи. День начинается с дороги на работу на нескольких видах общественного транспорта: зачастую приходится ехать на автобусе из города в деревню, затем на такси из города до общежития, откуда очередной автобус довозит их до самих шахт. Это длинное, опасное и дорогое путешествие, на которое работники тратят почти треть своей небольшой зарплаты (120 – 150 долларов в месяц).

Но это только начало. Приехав на прииск, я жду лифта, который довозит до места раскопа, расположенного 2-3х километрах под землей. Клетка-лифт вмещает около 50 рабочих. В нем ужасно тесно: чтобы нормально дышать, приходится координировать вдохи и выдохи с ближайшими соседями по давке. В клетке нет света – это неписаное правило. В этой темноте некоторые пользуются случаем и касаются твоей груди – ведь ты не можешь ни включить свет, ни понять, кто это.

Попав под землю, ты оказываешься в совершенно другом мире. Здесь темно, пыльно, жарко и влажно. Кругом торчащие из стен куски породы, камни и лужи. Иногда мы по восемь часов подряд, стоя на коленях, устанавливали леса стен шахты, чтобы куски породы не выпали во время бурения. В такие моменты я понимала, как потенциально близка смерть...

Моя работа под землей варьировалась от операций с лебедкой, выкачивания воды, перемещения руды, транспортировки материала до непосредственно бурения и помощи моим товарищам. Работа с лебедкой опасна и деликатна. Она основана на умении управлять веревками таким образом, чтобы лебедка не перевернулась. Этот навык скорее зависит от интуиции, чем от какого-то формального обучения.
Хотя у всех работниц были довольно четко определенные обязанности, мы, как женщины, воспринимались также в качестве помощниц «настоящих» шахтеров – мужчин. Мужчины-горняки нередко зовут женщин, «на помощь». Работа, которая называется «помощью», если ее выполняет женщина, воспринимается как полноценный труд, если ее выполняет настоящий работник - мужчина. Как женщинам, нам нередко делегировалась уборка. Нас посылали за водой для мужчин. А в конце дня, после бурения, мы закладывали в отверстия в стенах шахты взрывчатку, а потом соединяли проводки.

Я вскоре поняла, что, чтобы выжить в шахте, мне, как женщине, следовало бы обзавестись толстой кожей. Но помимо этого мне надо было научиться, как «быть» под землей. Помимо формальных правил, которым меня

>>

научили на поверхности и в центре подготовки, были и неформальные правила, другая логика и порядок работы под землей. Ее характер определялся мужчинами. Отступление от этих неформальных правил превращало тебя в нелегитимного работника. Чтобы меня признали «настоящим» горняком, мне следовало научиться правильно ходить, говорить, переносить материал, светить фонариком. Работая в команде, я поняла, что под землей используется множество языков. Помимо подземного диалекта fanakalo мне пришлось выучить другие «языки», которые использовались тогда, когда шум от бурения заглушал все остальное.

Жестокость, насилие и опасные условия труда в шахте предполагали выработку таких стратегий выживания, которые я, надо признать, поначалу никак не могла освоить. Заметив это, многие шахтеры советовали мне «забыть себя», другие утверждали, что «принося себя под землю, ты можешь создать проблемы». Поначалу я задавалась вопросом: «Как же мне не брать себя под землю?» Но вскоре я поняла, что «забыть себя» значит принять на время другую идентичность или хотя бы начать вести себя иначе. Они называют это «подземным я». Это «я» может рисковать, не думает о возможностях, опасности, о семье, рассматривает сексуальные домогательства, агрессию и возможность землетрясения как часть культуры труда. Часть этой культуры заставляет меня думать, что 120 смертей в год на приисках – не так уж и много, пока это не случится с твоим знакомым или коллегой. И даже тогда ты можешь позволить себе думать об этом лишь пару дней: когда ты видишь, как забирают тело, и на следующий, в день траура, А после этого ты возвращаешься к своему «подземному я», продолжая работать в поте лица.

Словарь шахтерских терминов

Клеть: ограниченная платформа, выполняющая функцию лифта для подъема и спуска рабочих и материалов.

Привязывание и откапывание: процесс разработки рудника, часто с использование лопатыIю

Очистной забой: пространство, образованное изъятием руды.

Лебедка: Механизм, состоящий из вращающегося барабана и веревки. Используется, чтобы вытащить груз из места добычи.

Возвращаясь на поверхность, я нередко думала о противоречиях подземной работы, о том, что возможность смерти освобождает и облагораживает – и о своих двух «я», о подземном я, научившемся рисковать, и осторожном «я» с поверхности. Я занималась этим ради науки. А многие делают это, чтобы прокормить детей, обеспечить их крышей над головой, отправить в школу. И тогда я пришла к выводу, что, быть может, награда в виде способности отправить детей в школу – это как раз самое облагораживающее в этом невероятном риске. ■

> Кот д'Ивуар: символический капитал мобильного телефона

Джорданна Малтон, Институт продвинутых исследований в Тулузе, Франция

Мобильник как ключевой символ статуса.

Печальное зрелище представляет собой секция продажи использованных и краденых телефонов в черном секторе Аджамы, главного рынка Абиджана. Сотни мужчин выстроились в две линии на обочине оживленной улицы. Они шепчут, выкрикивают, зазывают покупателей. Некоторые пытаются привлечь прохожих жестами и мимикой. Другие идут несколько шагов вслед за потенциальными покупателями, торгуясь прямо на ходу. Продавцами здесь работают напуганные подростки в рваных футболках, самоуверенные двадцати- и тридцатилетние и уставшие мужчины среднего возраста в одежде, которую бы они надели в выходные. Они продают как допотопные телефоны, так и смартфоны такого уровня, что лишь толика населения Абиджана могла бы их себе позволить. Спрос на мобильники в столице Кот д'Ивуара Абиджане очень высок.

Исследуя средства к существованию и стиль жизни мужчин с непостоянной занятостью в 208 – 2009 годах в Абиджане, я обнаружила особенно богатый ресурс информации в городской культуре использования мобильных телефонов. По всему городу расставлены рекламные щиты с плакатами крупнейших телефонных компаний, имитирующими кадры из музыкальных клипов с модными мужчинами в сопровождении роскошных женщин и - мобильным телефоном. Эти привлекающие внимание изображения бьют прямо в цель: в стране с населением 22.4 миллиона человек около 17 миллионов пользуются мобильниками, при том, что 42 процента населения живут за чертой бедности. Продаваемые на каждом углу (ценовой диапазон достаточно велик), мобильные телефоны в целом доступны даже населению периферии, которое использует их скорее как символ, чем как средство связи. Даже дешевые телефоны, несмотря на не самые продвинутые технические характеристики устройства, придают владельцу легкий флер гламурности. Это прекрасно понимают продавцы, украшающие старомодные модели яркими цветами и металлическими панелями. Самый дешевый секонд-хенд телефон стоит всего лишь 5000 африканских франков.

Когда я познакомилась с Калисом, очень бедным двадцатитрехлетним

>>

разносчиком сока, его наушники напомнили мне рекламу айфона. Но внешность обманчива. На самом деле аккумулятор на его телефоне уже давно вышел из строя, а новый он не мог себе позволить. Аксессуар, однако же, стоил ему 27 000 африканских франков (в качестве первоначального взноса), а теперь он выплачивал 40 000 в качестве оставшихся взносов. Телефон – необходимый аксессуар, особенно для мужчин. В барах телефоны выкладываются на стол, пока их хозяева выпивают и общаются с друзьями. Как маркеры статуса, они представляют собой довольно демократичный способ привлечения внимания и получения доступа к миру современных коммуникативных технологий. Таким образом, мобильные телефоны заняли прочную позицию в мире общения Абиджана.

Телефоны компенсируют анонимность, свойственную жизни на периферии. Имя и телефонный номер, а иногда и просто номер – частый сюжет граффити в Абиджане. Номера накарябаны на стенах уличных киосков, на капотах такси и на столах в барах; их пишут те кто, наверное, лелеет надежду, что еще кто-то где-то тоже не против хорошо провести время. Друг, работавший в одном из абиджанских посольств, вернулся домой в последний день работы с рубашкой, исписанной не прощальными пожеланиями, а телефонными номерами. Телефонные номера – одна из немногих форм документирования населения, живущего под прикрытием всеобъемлющей неформальности: без регистрации, без документов, без видимости. Телефоны сигнализируют причастность к современности, принадлежность к локальным и отдаленным социальным сетям. Твой список контактов является маркером твоего статуса. Однажды местный музыкант по имени Doug MC показал мне журнал, одна из статей в котором была посвящена его коллеге, который сейчас работает в Нью-Йорке. Даг продемонстрировал мне американский телефон этого певца в своей записной книжке, похваставшись тем, что его друг часто звонит ему. Более того, телефонный звонок доказывает, что кому-то ты дорог настолько, что человеку даже не жалко потратить деньги на разговор. Когда это происходит на публике, все вокруг становятся невольными свидетелями: на свадьбе, в школе, на официальных встречах... телефоны в такие моменты звонят напропалую (а громкость у всех выставлена на максимум).

Если западный стереотип гласит, что мужчине нужно авто для соблазнения женщины, то в Абиджане считают, что ему не обойтись без телефона (а когда (и если) он ее заполучит, неплохо было бы приобрести телефон и ей – предварительно пополнив баланс, конечно же). Как отметил один из моих друзей, это и хорошо, и плохо: мужчина покупает своей подруге телефон не только для того, чтобы произвести на нее впечатление, но и чтобы быть в курсе ее передвижений. Естественно, он ожидает, что она всегда поднимет трубку, когда он звонит. Телефоны определяют границы потребления для необеспеченных мужчин, и даже среди периферийного населения у большинства мужчин есть хотя бы один мобильник. И только у самых бедных и отчаявшихся телефона нет как такового. Обладать мобильником - значит обладать уважением. Когда я спросил Эрика, не хотел бы он купить телефон получше, чем его нынешний, купленный за 5000 франков, он ответил: «Конечно, хотел бы! Я же человек. У каждого человека есть амбиции» Самюэль сказал, что, как и у любого человека, у него есть “биологические, сентиментальные и социальные потребности», которые ему «необходимо удовлетворять». Он продолжил: «Все любят приятно провести время. Например, у меня мобильник Sony Ericsson». И чем больше телефонов, тем лучше: ничего странного здесь нет в том, что кто-то расхаживает с двумя или даже тремя мобильниками. Просто в каждом телефоне сим-карта разных операторов, благодаря чему можно звонить всем своим друзьям по самому выгодному тарифу.

Итак, мобильники используются как украшение, развлечение или средство разговора. Однако, периферийные жители Абиджана довольно редко берут в руки телефон именно для того, чтобы позвонить. Платит звонящий – а у них довольно редко есть средства на счете. Звонки, которые я получал, обычно приходили из вездесущих «кабинок», где есть маленькая деревянная скамейка и столик, а молодой человек или девушка регулируют пользование мобильным телефоном и сим-картами с безлимитным тарифом от нескольких операторов. Можно заплатить до 100 000 африканских франков в одной кабинке, и чем больше покупаешь, тем больше бесплатных минут тебе предлагают. Не раз мне звонили и бросали трубку, ожидая, что я перезвоню. Или же я получал сообщение с запросом на ответный звонок. В Кот д’Ивуаре крайне важно, кто кому звонит: действуют соответствующая иерархия между набравшим номер и тем, кому позвонили. Более состоятельные абоненты обычно звонят тем, у кого меньше денег, подобно тому, как африканские «большие дяди» поддерживают свой статус через покровительственные отношения. Финансовая помощь (в том числе натурой) воспроизводит не только господство, но и социальный долг. ■

[1] Черный рынок Аджаме изввестен как место продажи сомнительных товаров и ворованных вещей.

[2] Во время исследования 1 доллар=500 FCFA.

[3] Часто мужчины оправдывали покупки дорогих телефонов, утверждая, что это способ вложения денег, и если им понадобятся наличные, можно обменять телефон на более дешевую модель. Ни у кого из этих мужчин не было банковских счетов.

> Отчет
о конференции Европейской социологической ассоциации в Турине

Дженнифер Платт, Унивеситет Сассекса, ВБ, Вице-президент МСА по публикациям, 2010-2014

Исполком ЕСА и МОК в Турине.

Комитет МСА по публикациям посылает своих членов на ключевые конференции, чтобы затем попросить их написать отчет для редакции, которой необходимо быть в курсе событий. Вот один из таких отчетов. Но как написать отчет о такой масштабном событии? Говорят, приехало как минимум 2600 человек. Прислали 4000 заявок с тезисами, из них приняли 3200. Одному человеку невозможно побывать везде при таком количестве параллельных секций! Моя стратегия заключалась в том, чтобы посетить как можно больше событий, связанных с разными темами, безотносительно моих собственных исследовательских интересов. Я не уверена, что такая стратегия поможет объяснять, почему на тех секциях, где я побывала, оказалось больше, чем я ожидала, выступлений, посвященных, скорее, политике, чем академическим вопросам. Какова бы ни была причина, мне удалось посмотреть с интересной точки зрения на некоторые темы, а также получить доступ к данным, открытым не каждому исследователю. Это также означало, что у социологов было больше, чем обычно, шансов передать информацию в мир политики.

День был разбит на полуторачасовые промежутки. Обычно представ-

>>

лялись три-четыре работы, что означало, что на презентацию каждой отводилось крайне мало времени. В результате представлялась или теория без данных, или данные без теории. Выступить дали максимальному числу участников, однако не могу сказать, что для слушателя это было однозначно хорошо! Было трудно понять, что собой представляют эти работы в полном объеме, а не в качестве краткой презентации. Несмотря на это, «скелетная» структура облегчила восприятие ряда ключевых моментов. Вот пример :

• Разделение церкви и государства не является основополагающей чертой современности.

• Бывшие коммунистические страны можно категоризовать как постколониальные.

• Культурная стратификация проявляет себя в практиках досуга в бизнесе.

• Кризис может принести новые креативные возможности, проявляя стратегии молодых людей в трудной ситуации.

• Реакции правительства на финансовый кризис имеют следствия для работников системы здравоохранения; это влияние должно учитываться исследователями социологии профессий.

• Перформативные и основанные на искусстве биографические методы, как бы прекрасны они ни были, могут быть не очень доступны широкой публике.

• Использование обоснованной теории в крупном исследовании европейской идентичности выявило к открытию восьми различных типов восприятия европейской идентичности.

• Пожилым людям слабые связи (с теми, кто находится на периферии социальных кругов) кажутся важными в качестве поддержки, так как они предполагают меньший объем обязанностей, чем сильные связи (с родственниками).

• Многие исследователи (особенно в Германии и Швейцарии) занимаются изучением моды.

• Социология семьи до недавнего времени не уделяла достаточного внимания домохозяйствам, состоящим из одного человека.

• Успешность радикальных правых партий зависит от таких факторов, как электоральные системы (принудительное голосование) и наличие нерадикальных правых партий в качестве альтернативы.

• Современные правые партии переключили внимание с расы на этнокультуру. В разных частях Европы – разные «козлы отпущения» или объекты негативной идентификации: на Западе - ислам, на Востоке - коммунистическое прошлое.

ECA запускает новый журнал – European Journal of Cultural and Political Sociology, в издательстве Routledge. Ассоциация уже выпускает журнал European Societies, и теперь оба издания будут доступны всем членам в электронном виде. Первый номер планируется выпустить в марте 2014. Редакторы: Поль дю Ге, Рикка Эдмондсон, Эва Лухтакаллио и Чарльз Тёрн. В редколлегию, состоящую из 19 человек, входят семь не-европейцев и, к моему удивлению, в ней нет ни одного представителя Восточной Европы. ■

> Заключительная Декларация

Принята на Генеральной Ассамблее XXIX Конгресса Латиноамериканской социологической ассоциации (ALAS)

"Кризис и неотложные проблемы в Латинской Америке" – тема 29-го Конгресса АЛАС в Сантьяго.

На встречу в Сантьяго, столицу Чили, проходившую с 29 сентября по 4 октября 2013 года, приехали 4 168 социологов из 30 стран Латинской Америки, Карибского бассейна и др. Они приняли участие в 33 рабочих группах, 86 презентациях книжных изданий, пяти пленарных заседаниях. Двенадцать подготовительных событий помогли широко распространить информацию о целях конгресса и вдохновили многих на участие. В особенности конгресс будет отмечен в истории тем, что ему удалось привлечь сотни студентов и молодых профессионалов, а также создать сети по обмену информацией и опытом.

В этом году исполнилось 40 лет с переворота в Чили, и ни один из участников конгресса не избежал интенсивных дебатов, спровоцированных этой датой. И в стране, и на конгрессе обсуждались последствия этого ужасного события и многолетнего замалчивания травмы, которую консервативные интеллектуалы, власти, а также международные организации рассматривали как капиталистическое возрождение страны и Латинской Америки в целом.

Сегодня наши исследования разнообразными креативными путями сочетаются с нашей критической способностью, а также с общеконтинентальными социальными и политическими движениями, обладающими огромной силой и волей к изменениям. В последние годы особенно сильно заявили о себе следующие движения:

>>

• Борьба латиноамериканских мигрантов в США за решительные реформы, которые признали бы их право на работу, здравоохранение, образование, социальные права членов латиноамериканских сообществ, которые хотели бы беспрепятственно и без угрозы репрессий жить в США.

• Борьба демократических учительских профсоюзов Мексики за настоящую образовательную реформу и отмену планируемых сокращений учителей, принадлежащих крупнейшему профсоюзу на континенте (1 200 000 учителей)

• Общеконтинентальная борьба против нелегального присвоения и бесконтрольной эксплуатации естественных и стратегических ресурсов региона, таких как нефть, газ, руды, леса, вода и т.д.

• Требования в Колумбии по поводу серьезных мирных переговоров, которые положили бы конец вооруженным конфликтам в регионе.

• Отважная борьба кубинцев за уважение их суверенитета и окончание блокады.

• Борьба за признание и окончание агрессии против демократически избранных правительств Венесуэлы, Боливии, Аргентины, Бразилии, Уругвая и Эквадора.

• Борьба за настоящую и глубокую демократическую трансформацию во всех странах региона

• Борьба против неолиберальной экономики в системе здравоохранения, образования, соцобеспечения.

• Движение против насилия, террора, разрастания аппаратов госбезопасности

• Борьба против коррупции и бесстыдной демонстрации богатства в обществах, где растет поляризация неравенства.

• Борьба против ограничения социальных программ.

• Борьба против шпионажа США во всех странах региона

• Борьба за восстановление настоящего суверенитета наших стран и за автономию коренного, островного населения и потомков переселенцев из Африки.

Для успеха этих движений необходима систематическая работа социологов нашего региона. На нас лежит ответственность за распространение знания и научных открытий по поводу наиболее важных социальных проблем: опасности уничтожения земель, бедности, нищеты, социального исключения, насилия, незащищенности большей части населения от катастроф и социальных потрясений. Мы обязаны стремиться к полной свободе слова и выражения, собраний и критики для всех, кто живет в нашем регионе, к институционализации политики, которая улучшит жизнь всего населения и будет внедряться сознательными политиками в соответствии с правами человека. Мы должны стремиться и к преодолению всех форм колониализма в знании и власти, к настоящей академической автономии и инклюзивности. Эти цели формируют базис наших устремлений и планов нашей Ассоциации на будущее.

Наши университеты и учреждения высшего образования, государственные и негосударственные, должны прилагать усилия для совершения научных открытий, чтобы дать нашему обществу и государству базу, на основании которой закрепить наши обязанности по отношению к тем, кто более всего нуждается в помощи. Мы должны защищать справедливость, свободу и многообразие

АЛАС – воплощение этих устремлений. АЛАС берет на себя ответственность за продолжение пути, по которому она шла и ранее, при этом делая все возможное для включения как можно большего числа социологов – уважая и признавая множественность их теоретических перспектив, практического опыта и идентичности – в стремлении к миру, в котором все мы можем жить бок о бок.

Да здравствует ALAS! Да здравствует наша Америка! ■

> Социальные трансформации и цифровой век

Элиса Райс, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия, член ИК МСА в 2006-2010 гг., представитель МСА в Международном совете социальных наук (МССН)

Элиса Райс, новый вице-президент МССН

Альберто Мартинелли, новый президент МССН.

"Социальные трансформации и цифровой век» - тема Всемирного форума социальных наук, организованного Международным советом социальных наук в Монреале с 13 по 15 октября 2013 года. Более 1000 социальных исследователей, менеджеров от науки, а также экспертов по техническим вопросам, приехавших из более 60 стран, приняли участие в этом Форуме, представив около 750 презентаций и приняв участие в событиях, организованных партнерами Совета.

Пленарные заседания, посвященные актуальным проблемам современного общества, привлекли большое количество посетителей и обеспечили возможность междисциплинарного диалога. Молодые ученые не только представили свои работы, но и смогли озвучить непростые вопросы, которые затем подверглись обсуждению.

МСА спонсировала секцию, посвященную главным проблемам современной канадской социологии с намерением оценить перспективы, недостатки и значения цифрового века для производства знания и политических процессов. Четыре презентации были объединены общим заголовком - «Социальные трансформации в цифровой век, Канада, 2013: канадская социология в преддверии Всемирного конгресса МСА 2018 года». Патриция Албанезе, недавно избранный президент Канадской социологической ассоциации и председатель местного комитета по подготовке к XIX Всемирному конгрессу МСА (который пройдет в Торонто в 2018 году) вместе с коллегами Ховардом Рамосом, Римой Уилкс и Шерил Тилуксингх рассказали о планах проведения следующего социологического конгресса (после встречи в Иокогаме).

МСА также приняла участие в секции «Изменяющийся геополитический ландшафт 21 века: права человека и этика». Секция была организована Сатсом Купером, президентом Международной психологической ассоциации, в преддверии следующего Всемирного форума социальных наук, тема которого – «Трансформируя глобальные отношения ради справедливого мира». Третий Всемирный форум социальных наук пройдет в сентябре 2015 года в Дурбане (Южная Африка). Мы надеемся на активное участие членов МСА, особенно новых и молодых! ■

Примечание редактора: Поздравляем Элису Райс, избранную на пост вице-президента МССН, и Альберто Мартинелли (бывшего председателя МСА, 2000-2004), избранного на пост президента МССН на встрече в Монреале!

> Российская команда *Глобального диалога*

Елена Здравомыслова, Европейский университет в Санкт-Петербурге, член Исполнительного комитета МСА, 2010-2014

У нас гибкая команда. Ключевые переводчики – это Елена Никифорова, Анна Кадникова и Ася Воронкова. Другие более-менее регулярно помогают нам, и мы ожидаем пополнения команды, а также определенной сменяемости переводчиков. Мы работаем в разных социологических организациях. Результаты нашего проекта распространяются Санкт-Петербургской социологической ассоциацией (СПАС), региональным отделением Российского социологического общества. Мы рады участвовать в транснациональной команде переводчиков «Глобального диалога». Работа над русской версией журнала помогает нам понять, в чем состоят современные дебаты в мировом социологическом сообществе, а также расширить наш социологический кругозор. Мы узнаем еще больше, когда пытаемся найти русские лингвистические эквиваленты англоязычных терминов и категорий. Мы, можно сказать, учимся в процессе! Желаем «Глобальном диалогу» продолжить свою просветительскую и аналитичсекую работу! Желаем журналу приобрести мировую известность! ■

Елена Здравомыслова, кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, со-директор программы «Гендерные исследования» ПНИС ЕУСПб, координатор проектов в ЦНСИ. В ее исследовательские и преподавательские интересы входят: гендерные исследования, общественные движения, качестввенная методология. Область экспертизы включает гендерные отношения в России, феминистская теория, социология заботы, биографические исследования.

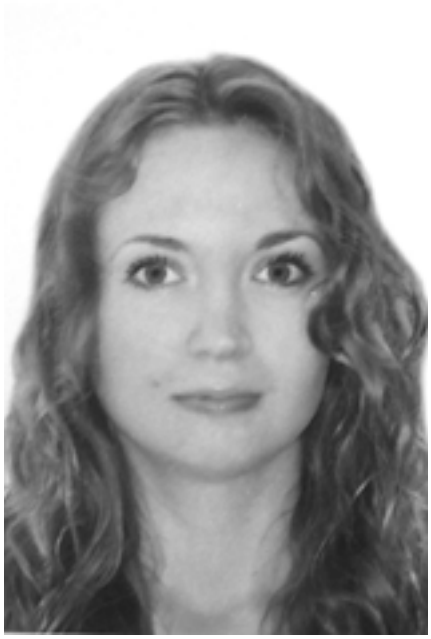
Анна Кадникова – магистр социологии. Выпускница Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ее академические интересы включают в себя гендерные исследования, социологию общественных движений. Магистепская диссертация, защищенный в 2013 году, посвящена пролайф мобилизации в России в последнее десятилетие.

Елена Никифорова – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге. Окончила факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, факультет международных отношений СПбГУ, а также магистратуру факультета Международных исследований университета Лимерик (Ирландия). Академические интересы включают вопросы мобильности и пространства, испытали на себе влияние дебата о глокализации и транснационализме. Она занимается изучением «границ» - исследованиями трансформации пространств, индентичностей и жизненных траекторий, связанных с постоянной реконфигурацией политического пространства в бывшей советской империи.

>>

Ася Воронкова – музыкант, основательница группы Patience Airways. Получила степень бакалавра в Смольном институте свободных искусств и наук (СПбГУ) и Бард колледже (США). Она писала статьи по социологии рок-музыки. Ее узкий научный интерес – тяжелый металлический рок как феномен молодежной культуры. Она также работает переводчиком в социологическом **журнале Laboratorium.**

Александр Кондаков – научный сотрудник ЦНСИ в Санкт-Петербурге. Магистр Международного института социологии права. Его научные интересы включают социологию права и квир-исследования. Нынешний проект посвящен изучению проблематики сексуального гражданства в России.



Юлия Мартинавичене – преподаватель Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва) и аспирантка философского факультета ЕГУ. Ее исследовательские интересы: визуальная семиотика, реклама социальных услуг, философия и социология коллективной идентичности.

Екатерина Москалева – выпускница социологического факультета СПбГУ. Исследовательские интересы: пиар и искусство. Участница двух крупных проектов – международного фестиваля франшиз – гик-пикнике, где выступала в качестве менеджера, и фестиваля «Критическая масса 2013» (в качестве исследователя и ивент-менеджера). В настоящее время является проект-менеджером в Санкт-Петербургском филиале Высшей школы экономики.